

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [С. Н. Южаков](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава I. Историческая фигура Жан-Жака Руссо](#)
 - [Глава II. Подготовительный период](#)
 - [Глава III. Литературная деятельность](#)
 - [Глава IV. Последний период жизни Руссо](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

С. Н. Южаков

**Жан-Жак Руссо. Его жизнь и литературная
деятельность**

*Биографический очерк С. Н. Южакова
С портретом Жан-Жака Руссо, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Предисловие

Руссо до сих пор не дождался обширной, беспристрастно обработанной биографии. Назову наиболее известные или наиболее важные источники.

«Les Confessions de J.J. Rousseau». Nouvelle édition, précédée d'une notice par George Sand. – Paris, 1847. «Исповедь» остается все-таки важнейшим источником биографии. Вторая половина, писанная во время болезни, менее заслуживает доверия. Я пользовался изданием 1847 года, где примечания и предисловие Жорж Санд дают некоторые полезные пояснения.

«Les Grands Écrivains Français. J. J. Rousseau», par Arthur Chuquet. – Paris, 1893. Эта последняя по времени биография знаменитого писателя входит как часть в целое в предпринятое фирмой Гашет издание кратких и популярных биографий и характеристик. Преобладают характеристики, биографический материал очень сжат. Работу Шюке можно рекомендовать как отличный конспект, довольно беспристрастный. Относясь часто отрицательно к идеям Руссо, автор не старается только поэтому чернить его личность. Именно такой характер носит и следующая книга:

«La vie et les oeuvres de J. J. Rousseau», par Henri Beaudouin. 2 vols. – Paris, 1891. Это самая подробная биография Руссо, но написана фанатическим клерикалом и исполнена нетерпимости. Пользоваться этим несколько мутным источником надо с большой осторожностью.

«Rousseau», by John Morley. 2 vols. – London, 1888. Это третье издание известного труда английского политического деятеля. Данные несколько устарели, изложение добросовестное, точка зрения отчасти проникнута той специально английской религиозностью, которую на континенте, в Европе, привыкли называть фарисейством. Существует русский перевод, но после нескольких, наудачу, сличений я предпочел пользоваться английским подлинником.

Этими четырьмя работами исчерпываются важнейшие источники, объемлющие всю жизнь и деятельность Руссо. Об отдельных эпизодах его жизни имеются важные специальные исследования.

«Madame de Warens et J. J. Rousseau». Étude historique et critique par Fr. Mugnier. – Paris, 1891. Интересное исследование о жизни баронессы Варанс, игравшей такую важную роль в судьбе молодого Руссо. Добросовестное изложение и обилие новых данных, извлеченных из

сохранившихся на месте документов и писем, характеризуют эту работу.

«Voltaire et Rousseau», par Gaston Mougras. – Paris, 1886. Предмет книги – полемика между двумя мыслителями и ее закулисные отражения и пружины. Мугра довольно явственно старается склонить весы своих суждений в пользу Вольтера. Во всяком случае, книга интересная и полезная.

«La folie de J. J. Rousseau», par le d-r Chatelain. – Paris, 1890. Интересное исследование душевной болезни, омрачившей последние годы Руссо.

John Grand-Carteret. «J. J. Rousseau, jugé par les français d'aujourd'hui». – Paris, 1890. Собрание интересных статей современных французских писателей. Некоторые из них дают полезные биографические указания, например, статьи Руссея, Кастеллена и др.

Что касается оценки деятельности Руссо, то литература эта так обширна, что перечисление ее здесь было бы и неуместно, и невозможно. Неуместно потому, что главная задача этой работы – жизнеописание. Невозможно же ввиду обширности.

Глава I. Историческая фигура Жан-Жака Руссо

Страстное отношение современников к личности и идеям Руссо. – Поклонение публики. – Ненависть и гонения феодалов и клерикалов. – Ненависть и вражда Вольтера и энциклопедистов. – Увлечение молодого поколения. – То же страстное отношение потомства. – Оппозиция со стороны Руссо литературе Просвещения. – Пропаганда культуры и просвещения Вольтером и энциклопедистами. – Пропаганда прав личности, свободы и равенства в сочинениях Руссо. – Подготовка плутократии и демократии. – Глубокие антитезы, замеченные Руссо. – Их значение в XVIII и XIX веках. – Историческая характеристика личности Руссо.

Немного имен найдется во всемирной истории, которые вызывали бы нетерпимо страстное отношение к себе как среди современников, так и среди потомков, и вокруг которых в течение жизни многих поколений скапливались бы целые тучи любви и ненависти, поклонения и злобной, непримиримой вражды. Такие редкие имена носили особые избранники человечества, отметившие своими делами целые исторические эпохи, давшие толчок и направление целым могучим историческим течениям, заложившие основания для могущественных общественных переворотов, глубоко повлиявшие на положение, интересы, самосознание и самочувствие многих народов и поколений... И такими могучими личностями являются обыкновенно не *деятели* в тесном смысле слова, не те, которые производят политические и социальные перевороты, как бы ни были велики их силы, как бы ни были громадны события, воплотившиеся в их деятельности. Современники их любят и ненавидят, поклоняются им и проклинают. Но с их кончиною, с завершением их исторической эпохи наступает очередь для более спокойного суда потомства. Для него деятельность таких великих людей является любопытной страницей истории, – страницей поучительной или возмутительной, отрадной или печальной, достойной подражания или порицания. Но она, эта деятельность, уже не вызывает страстей, не возбуждает ни непримиримой вражды, ни пылкого поклонения. Историей этих личностей общественные партии, конечно, пользуются в своих интересах, каждая по-своему, но они пользуются для этого и законами природы, и открытиями науки, и

изобретениями техники... Странно было бы, если бы, например, теперь, в настоящее время, кипели страсти вокруг герцога Альба, Вильгельма Оранского, Оливера Кромвеля, Вашингтона, даже вокруг Робеспьера и Наполеона, даже вокруг недавно сошедшего со сцены Гарибальди. Для потомства это исчерпавшие себя фигуры прошлого, очень значительного, конечно, но, тем не менее, прошлого несомненно. События, в которых участвовали эти большие люди, еще так или иначе влияют на жизнь потомков, но не сами личности, которые умолкли и которые уже не возьмут судьбы мира в свои сильные руки... Миру нечего от них ждать и нечего опасаться. Их можно порицать, но для ненависти нет места. Их можно осыпать похвалами и благодарностями, но последователей они иметь уже не могут. Ни за ними, ни против них никто уже не пойдет, никому они не помогут, никому не повредят. Деяния таких людей переживают их короткую жизнь, но не их личность, которая, переставая жить, перестает быть и активным элементом исторической жизни, перестает принимать в ней непосредственное участие...

Великие люди другого типа, великие *мыслители*, имеют иную судьбу. Затребованные ими идеалы остаются многие поколения после их смерти деятельным элементом истории, увлекая за собою одних, возбуждая против себя других. Сила их доводов не становится меньше, их красноречивое слово звучит многие века, созывая сонмы новых поклонников и последователей, вызывая на бой и борьбу новые полки врагов и непримиримых противников. Поколения сменяются... Великие деятели этих поколений сменяются вместе с ними... Великие *мыслители* переживают свои поколения. Их идеалы принимаются новыми поколениями, воплощаются в жизни новыми деятелями... Эта жизненность идеалов и идей великого мыслителя и является причиной того, почему вокруг его имени кипит борьба, и потомство так же страстно поклоняется ему или ненавидит его, как и современники. К таким личностям в истории принадлежит и *Жан-Жак Руссо*.

За два года до смерти Руссо американцы прислали в Европу свою знаменитую Декларацию прав человека. Это была первая попытка молодого поколения, поклонявшегося своему великому учителю, приступить к проведению в жизнь его идей. Через одиннадцать лет после его смерти французы издали свою декларацию, точно так же представлявшую красноречивый параграф из политической философии Руссо. Франклин, Вашингтон и Джефферсон, Мирабо, Лафайет и Робеспьер соединились в этом провозглашении своего дела делом великого Жан-Жака. Идеи, с которыми деятели американской и французской

революций приступили к освобождению и возрождению своих стран, были идеями Руссо, хотя ни американская, ни французская демократия не исчерпала всего цикла этих идей. Поэтому-то воплощению их была дана каждым из деятелей форма, зависящая именно от такого частичного, в каждом случае различного заимствования... Наполеон I как-то выразился в том смысле, что не было бы французской революции, если бы не было Руссо. Это несправедливо в той же мере, как и подобное же утверждение относительно американской революции. И та, и другая вытекли из столкновения глубинных интересов и крупных сил, оказавшихся к концу XVIII века в жестоком и непримиримом антагонизме. Привилегии аристократической метрополии, ее жадность и деспотизм вынудили американскую буржуазию поднять оружие. Привилегии французской аристократии, нетерпимость французской церкви, союз короны с феодалами и клерикалами, нарушение господствующими классами интересов уже сильной и богатой французской буржуазии делали неизбежным столкновение и во Франции. И в Новом, и в Старом Свете нежелание господствующих классов поделить значение и властью с буржуазией, выросшей в крупную общественную силу, и было главной и неустранимой причиной обеих революций и великого исторического переворота, отразившегося на всем цивилизованном мире. Но в обеих революциях и во всех исторических событиях, с ними связанных, могучей волной прокатился призыв демократов к свободе, равенству и братству! Но в обеих революциях сами интересы буржуазии приняли демократическую окраску, и она выступила под знаменем не своих интересов, прав или хартий, даже не блага государства или интересов нации, а *естественных прав человека!* Эти идеалы демократизма, эти идеалы естественного права личности были идеалами и идеями Руссо, и в этом отношении невозможно указать другого мыслителя, который, давно успокоившись в могиле, принимал бы такое непосредственное прямое участие в общественной борьбе и великих исторических событиях, наполняющих собою весь XIX век. Фихте, Песталоцци, Фурье и Луи Блан, Гарибальди и Линкольн, все вожди демократического движения, все защитники естественного права против права исторического исходили и исходят из цикла тех идей, которые, конечно, высказывались и до Руссо, но которым этот мыслитель придал форму и в которые вложил содержание, соответствующие злом дня двух столетий, уже прошедших, и, вероятно, еще и третьего, наступающего. Понятна отсюда и страстная борьба, все еще ведущаяся вокруг имени знаменитого мыслителя.

Среди современников впечатление, произведенное замечательными

творениями Руссо, было громадное. Бокль, изучив подробно эту эпоху, называет Руссо могущественным, а его влияние – изумительным. Знаменитый английский мыслитель Юм, современник Руссо, находившийся во Франции в период наибольшего расцвета его творчества, замечает, что трудно выразить и даже вообразить народный энтузиазм к нему... Никто никогда не обращал на себя в такой мере народного внимания. Вольтер и все другие оказались совершенно затемнены им. Гримм, известный немецкий писатель и ученый, тоже проживавший в это время в Париже, подтверждает этот необычайный успех. Книги Руссо расхватываются мгновенно. За чтение их назначается плата по часам. Мирабо, Сен-Жюст, Робеспьер, тогда еще молодежь, поклоняются ему, ищут счастья его видеть. Этот энтузиазм и это поклонение одних уравновешиваются или даже перевешиваются ненавистью и гонениями других. Его сочинения сжигаются рукою палача. Его личность подвергается преследованиям и оскорблениям. После издания «Эмилия» и «Общественного договора» он должен бежать из Франции. Та же судьба постигает его и в Женеве... Он ищет убежища в Бернском кантоне, но декрет республиканского правительства его изгоняет и оттуда. Подобное повторяется и в Невшателе, где господствующие классы возбуждают против него чернь за его будто бы безбожие, тогда как, единственный из крупных мыслителей XVIII века, Руссо оставался верующим и религиозным! Совершенно естественны и понятны эти гонения со стороны классов, против господства и насилия которых направлялась его тонкая и глубокая критика, в то время как пламенное красноречие его высокохудожественных творений взывало к справедливости и возмездию. На первый взгляд могут показаться менее понятными преследования и непримиримая вражда со стороны врагов его врагов, со стороны Вольтера, Дидро, Гримма, энциклопедистов... Однако и тому было достаточно причин...

Цивилизация предстает перед нами в истории двуликим Янусом, поворачивающимся к человечеству то одной, то другой стороной. И человечество то преклоняется перед благодеяниями цивилизации, славословит ее успехи и завоевания, ожидает от нее спасения и избавления, то, напротив, с ужасом и отвращением видит, как страшная мощь цивилизации вооружает насилие и неправду, топчет справедливость, унижает униженного, оскорбляет оскорбленного, поддерживает тиранию, плодит деморализацию, вырождение, одичание!.. В XVIII веке во Франции цивилизация была обращена к человечеству своей благодетельной стороной. Враги цивилизации во Франции, феодальные и клерикальные

классы, были вместе с тем врагами народа. Их привилегии, порабощение ими народа, неправые монополии, произвол и необузданные насилия – все это взывало к человеческой совести, но те же классы цепко держались за невежество и суеверия, находя в них опору для своего владычества. Просвещение и даже национальное обогащение их смущали и возбуждали против себя. Немилосердные поборы, драконовские стеснения национального труда шли во Франции XVIII века рука об руку с гонениями на просвещение, с такими же драконовскими стеснениями мысли и слова. Народ, средние классы, просветители одинаково терпели от одного и того же неправого господства, от насилия и владычества тех же феодально-клерикальных классов. И деятели Просвещения первыми самоотверженно выступили на борьбу с несокрушимой, казалось, силой. Вольтер, Монтескье, Дидро, Д'Аламбер, Кене, Тюрго, Гельвеций, Кондильяк, Бюффон, Лавуазье, Кювье, Биша и многие другие – вот длинный ряд знаменитых деятелей, поднявших эту тяжелую и опасную борьбу во Франции и создавших великую литературу Просвещения вместе с ее славнейшим памятником – колоссальной «Энциклопедией» – трудом, до того беспримерным.

Проповедуя просвещение, распространяя его, расчищая путь для свободного развития цивилизации, подавленной своекорыстием и деспотизмом господствующих классов, энциклопедисты искренно верили, что тем самым они расчищают путь и для общего счастья, для народного блага и свободы. Просвещение и цивилизация были для них синонимами прогресса, непременным условием народного блага. Цивилизация тогда скрывала от мира свою другую сторону. Литература Просвещения ее не разглядела... Руссо заметил эту обратную сторону, указал ее и со свойственной ему страстностью восстал против цивилизации. Деятели литературы Просвещения сначала изумились и, по-видимому, полагали, что красноречивое нападение Жан-Жака на цивилизацию есть лишь приступ, искусный маневр. Они ждали затем иных речей, которые тем выше вознесут благоденствия культуры. Чувствуя в Руссо врага врагов своих, врага всякого неправого господства, они не могли и представить себе возможность искреннего порицания им цивилизации. Или маневр искусного полемиста, или бред сумасшедшего, или корыстное лицемерие: ничего другого они не могли видеть в идеях Руссо. И когда убедились, что это отнюдь не маневр со стороны Руссо, что Руссо является самым опасным и талантливым врагом их идей, они тем с большей энергией, можно сказать с яростью негодования, восстали против неожиданной и непредвиденной ереси. А убедиться в истинном значении и направлении

литературной деятельности Руссо им пришлось очень скоро. Раз начав борьбу, Руссо быстро развертывал силы, быстро и неудержимо завоевывал умы и выбивал с их позиций все недавние непререкаемые авторитеты прогрессивного общества.

После поразившей и смутившей многих диссертации «О влиянии наук на нравы» Руссо выступает с рассуждением «О причинах неравенства в человеческом обществе». Страстная критика неравенства здесь идет рука об руку с не менее страстными обвинениями цивилизации, являющейся его главной причиной. Серьезные умы среди энциклопедистов уже задумались над направлением этой новой силы, и Дидро уже попробовал остроумно и мягко отпарировать удары, стараясь направить их на общих врагов. Второстепенные умы просветительного направления не соблюдали такой осторожности и своими слабыми, хотя и резкими нападками вызывали лишь победоносный отпор со стороны Руссо. Эта полемика все яснее вырисовывала точку зрения Руссо, все сильнее отделяла его от литературы Просвещения, все более покоряла мыслящую публику, особенно молодежь. «Новая Элоиза» явилась новым, необычайно могущественным нападением. Эта трогательная история любви молодых людей, одинаково достойных и одинаково стремящихся друг к другу, фатально кончается несчастьем для них и для всех окружающих. Причина несчастья – в условиях, созданных цивилизацией. Природа дала все для счастья героев и для того, чтобы они могли и вокруг себя изливать счастье и радость. Цивилизация же с ее противоестественными учреждениями, с ее искусственными чувствами, с ее условными правилами и обязанностями кассировала все эти дары природы и из блага породила зло, из счастья создала несчастье, без вины осудила, унизила, обездолила людей, достойных самого лучшего! Эта потрясающая драма произвела ни с чем не сравнимое впечатление. Пламенные страницы высокого красноречия, всюду разлитая гуманная сердечность, тонкая обрисовка действующих лиц, влагаемые в их уста слова глубокой и высокой страсти, редкие художественные достоинства романа – все соединилось, чтобы доставить ему неслыханный успех, а его автору – невиданное до толе могущество (и могущество одною силою убежденного слова). Вожди литературы Просвещения поняли необходимость взять борьбу в свои руки из неумелых рук второстепенных писателей. Сам Вольтер вмешался в полемику, но Руссо, как бы не давая опомниться своим противникам обоих фронтов, выпустил одно за другим почти одновременно два важнейших своих сочинения.

Это были «Общественный договор» («Contrat Social») и «Эмилъ». В первом доктрина Руссо получила свою окончательную догматическую

форму. Верховное право народа (*souveraineté du peuple*) и демократическое равенство были основными принципами этой доктрины. *Естественное*, для всех одинаковое и равное, *право личности* являлось санкцией доктрины, устранявшей все прежние санкции: и божественное благословение, и давность, и пыльные пергаменты, и даже интересы нации, блага просвещения. Все это ступшевывалось перед естественными правами человека и суверенитетом народа, то есть собрания личностей, добровольно вступивших в общественный договор. Простота принципа, его прямолинейная логика и его независимость от каких бы то ни было заветов старины, так же как и от рамок цивилизации, изумили мир – очаровали одних, озлобили других. «Эмиль» был как будто для того написан, чтоб довести это очарование до энтузиазма, а это озлобление – до белого каления. Человечество не видело книги, которая с чарами художественного творчества и тонкого ума соединяла бы столько беспощадной и обаятельной критики самых основ того, что почиталось краеугольным камнем просвещения и цивилизации. Тот же «Эмиль», с другой стороны, не оставлял камня на камне от той школы, от той семьи, от той системы общественного и домашнего воспитания, которые были освящены авторитетом католической церкви и поставлены под охрану законов французского государства. Выход «Общественного договора» и «Эмиля» явился сигналом для начала гонений на Руссо со стороны правящих классов и страстной полемики между ним и вождями литературы Просвещения. Вольтер стал во главе этого похода.

Большой исторический интерес представляет это единоборство двух величайших писателей XVIII века. Если Вольтер развернул в этой полемике всю силу своего едкого, язвительного, бесподобного остроумия, то, с другой стороны, и Руссо оказался на высоте и волновал сердца высоким красноречием и широкой гуманностью. Переходя с места на место, отовсюду гонимый, всюду преследуемый, Руссо то там, то здесь разбивал свой временный лагерь и продолжал борьбу. Из Невшателя он написал «Lettres de la Montagne»^[1], эту страстную филиппику против своих противников обоих лагерей. В Англии начал «Confessions»^[2] — беспощадное самообличение и такое же беспощадное бичевание своих врагов. Борьба эта занимала историков литературы и с точки зрения художественной красоты знаменитого турнира, и по существу спора. С обычной ловкостью весь спор Вольтер разделил на ряд отдельных эпизодов, в которых по отдельности фернейский философ был зачастую более прав, нежели его странствующий, гонимый, больной физически и

душевно противник. Но за деревьями отдельных эпизодов немногие разглядели лес основного вопроса: точно ли в развитии культуры и заключается вся задача и весь интерес человечества? Точно ли культура всегда благодетельна и ведет человечество к добру и правде? Точно ли программа, провозглашенная литературой Просвещения, есть программа народного блага и справедливости? Не просмотрели ли ее славные авторы существенной стороны культурного развития? И не указал ли Руссо на этот просмотр своей страстной проповедью против неправд цивилизации? Потому-то вокруг Руссо и теперь кипят страсти, волнуются сердца, раздаются благословения и проклятия... Его идеалы, его идеи еще и теперь – факторы современной истории, и задумчивый, меланхолический Жан-Жак еще участвует в развитии современных событий. Вольтер, Монтескье, Дидро, Кене, восстав против феодального господства и клерикальной опеки, полагали служить интересам народа, который был угнетаем этим господством и деморализуем этой опекой. Они успели подготовить ниспровержение этого строя, но вместе с тем подготовили для народа новых господ и новых опекунов, подготовили торжество плутократии. Вся политическая философия Руссо есть протест против такой эволюции. Более всякого другого оказав содействие ниспровержению старого порядка, Руссо, один из немногих, не только не положил ни одного камня в фундамент здания буржуазного господства, но даже подготовил борьбу и с этой новой формой общественного неравенства и народного порабощения. Принцип личности как верховный критерий доктрины и идея народа как добровольного, сознательного единения личностей являлись в течение всего XIX века руководящими во всех движениях французской и вообще западноевропейской демократии. Таков громадный *исторический* интерес биографии Руссо, но и чисто *биографический*, *психологический* интерес должен быть здесь упомянут, чтобы читатели могли лучше ориентироваться в этом кратком биографическом очерке. Наследственность, особенности воспитания, болезненная организация наделили эту замечательную личность каким-то внутренним противоречием, двойственным характером. С одной стороны, несомненная широкая гуманность, благородство, сердечная доброта, бескорыстие, порой самоотвержение и глубокая искренность, составляющие основу этой симпатичной натуры. С другой стороны, подозрительность, порой совершенно недостойная недоверчивость, странная неблагодарность, порывы беспричинной любви и ненависти, наконец, прямо предосудительные поступки, самым трагическим образом сталкивающиеся с вышеозначенными преобладающими благородными чертами характера. В

последний период жизни Руссо страдал душевной болезнью, как теперь доказывают некоторые психиатры. Эта болезнь, развившаяся на почве наследственности, воспитания, тягостной молодости и жестоких гонений в зрелом возрасте, и может, по-видимому, объяснить внутреннее противоречие и двойственность характера. В нашем изложении мы постараемся по возможности оттенить оба этих душевных процесса: *здоровый*, позволивший нам во весь рост наблюдать благородную фигуру великого мыслителя и подаривший человечеству драгоценные плоды его умственного гения; и *болезненный*, темными узорами проступающий на этом светлом фоне. Одно время, в эпоху полного развития сил и таланта Руссо, эти тени совершенно исчезли в волнах света благородного творческого гения, но затем снова появились к концу жизни, полной тяжелых и горестных испытаний.

Глава II. Подготовительный период

Предки и родители Руссо. – Женева. – Рождение и первоначальное воспитание. – Первые проявления духовной жизни. – Разлука с отцом. – Школа в Боссе. – Добрые семена. – Злое семя. – Раннее пробуждение чувственности. – Неправое наказание. – Две любви. – В учениках. – Бегство. – Обращение в католичество. – В лакеях. – Первое пребывание у Варанс. – Странствия. – Идиллия с Варанс. – Самообразование. – Музыка. – Дипломатическая служба. – Тереза Левассер. – Литературные опыты и знакомства.

Жан-Жак Руссо родился в Швейцарии, в Женеве, и происходил из буржуазной протестантской семьи, предки которой переселились из Парижа в XVI веке, в эпоху религиозных гонений во Франции и торжества кальвинизма в Женеве. Громадное большинство граждан этого маленького городка, сделавшегося на долгое время Римом кальвинизма, составляли и поныне составляют потомки подобных же переселенцев из Франции. В начале XIX века перепись граждан Женевы констатировала всего лишь пятьдесят женевских фамилий, принадлежавших Женеве до XVI века. Остальные были французскими выходцами, оставившими отечество в борьбе за новые религиозные идеи.

Такой состав женевского населения наложил особый отпечаток на весь склад жизни города и кантона. Страстная преданность протестантизму, повышенное чувство религиозности, строгие нравы, предписанные кальвинизмом, уживались с наследственной любовью к свободе, нервным, даже беспокойным характером, постоянной заботой о личной независимости... Эти общие черты нервной организации и нравов женевского населения резко выделялись в XVIII веке среди совершенно иного склада жизни и нравов, господствовавших в смежных странах: во Франции, в Италии, в Германии. Подобное различие не могло не отразиться на женевах, усиливая все их естественные черты, до пределов развивая их особенности. Из такой среды произошел, в таком обществе вырос, под такими влияниями воспитывался Жан-Жак, и даже беглый взгляд на его характер и наклонности обрисовывает перед нами типического представителя этой среды, этого общества и этих влияний – личность, развившую до крайней степени душевные контрасты своих сограждан. То чувствительный, то суровый; то доверчивый, то подозрительный; то веселый, то меланхолический; то идеальный, то чувственный; с

болезненным самолюбием, глубоко религиозный, глубоко скептический, способный и на самоотвержение, и на всякое сумасбродство, страстный во всех своих идеях и чувствах, Руссо был результатом длинной эволюции женевского типа, его плодом и его последним могучим итогом и выражением. История родного города воплотилась в Руссо со всеми своими светлыми и тёмными сторонами, со всеми своими заслугами и всей своей виной перед человечеством. В начале XVIII века недавно только завершилась историческая роль Женевы, но город тем более был полон старых традиций и новых общественных плодов. В артериях и венах женецев текла кровь, наследственно проникнутая душевными контрастами. Вызывающая гордость, свойственная защитникам «святого» дела, соседствовала с кроткой любовью к человечеству, отличающей проповедников этого дела; беспокойная, даже буйная организация наследственных борцов за вольности – с подавленностью душевного состояния последователей сурового и строгого кальвинизма; религиозность, наполнявшая собою всю жизнь многих поколений, – со скептицизмом, вооружившим эти поколения против католицизма... Подобная нервная организация, развитая долгой *сознательной* историей и осложнённая вышенамеченными обстоятельствами, контрастами и тягостями этой истории, была коренной особенностью женеца XVIII века. *«Я не был бы женецем, – замечает в одном месте „Исповеди“ сам Руссо, – если бы бродяжничество не предпочёл всем благам оседлой жизни»*, а в начале XIX века французская статистика констатировала, что среди всех департаментов Франции (тогда Женева входила в состав империи Наполеона I) Женева отличается особенно большим процентом душевных заболеваний!

Эта повышенная нервность и это сплетение душевных контрастов, составлявшие общий характер женевского общества начала XVIII века, были наследованы в полной мере Жан-Жаком, который как великий гениальный женец, родившийся около этого времени, естественно должен был воплотить в себе все эти черты, всю эту длинную эволюцию, выработывавшую своими могучими условиями и влияниями физиологическую и психологическую организацию небольшой замкнутой группы населения. Таким и предстает перед нами Руссо. Семейные условия, насколько они нам известны, должны были только усилить эту тенденцию. Я уже упомянул, что фамилия Руссо происходила от парижских эмигрантов, переселившихся в Женеву в XVI веке, в эпоху религиозных гонений. Фамилия повторяла, таким образом, историю большинства женевских фамилий. Она должна была обладать и типичными свойствами

женевцев. Существуют данные, указывающие, что она обладала этими свойствами в избытке, в размере выше среднего. Отец Жан-Жака, Исаак Руссо, провел значительную часть жизни в странствиях. В молодости, в 1699 году, он судился за ссору, перешедшую в вооруженное столкновение, и был приговорен. То же повторяется в 1722 году. Суровый приговор заставляет его даже оставить отечество. О его странных, полных противоречий отношениях к сыну буду говорить ниже. Мать Жан-Жака, Сюзанна Бернар, красивая и кокетливая женщина, имела в молодости романическую историю, очень мало соответствующую строгим правилам кальвинистов, особенно если принять во внимание, что отец Сюзанны был священником. Родной брат ее тоже имел подобную же историю, за которую даже судился. Две тетки Жан-Жака были оштрафованы по суду за карточную игру в публичном месте в воскресенье. Вооруженные столкновения, романические приключения, карточная игра – конечно, все это не очень много, но не для кальвинистской Женевы конца XVII и начала XVIII века. Здесь это были важные и существенные отклонения от господствующих нравов, обнаруживавшие значительное переразвитие той нервности, которая составляла общую особенность женевского населения. Существуют факты еще более яркие. Двоюродный брат Жан-Жака был помешанным. Его родной брат, Франсуа Руссо, отличался буйным характером, оставил в юности Женеву и пропал без вести. Сам Жан-Жак Руссо, страдавший невралгией, замечает в одном письме, что болезнь эта *наследственная* в его семье. Вот на такой почве расовой и фамильной наследственности, отягченной повышенной нервностью и патологическими осложнениями этой нервности, явился на свет Божий в Женеве 2 июня 1712 года Жан-Жак Руссо. Его мать заплатила жизнью за рождение сына – этой будущей славы родного города. Мать умерла, конечно, не от здоровья, и ребенок родился слабый и болезненный. Он был без сознания, полумертвый, и только самоотверженному уходу своей тетки он обязан тем, что перенес и пережил эти первые дни своего хрупкого существования.

Первые десять лет жизни Жан-Жак провел в доме отца, на руках отца и тетки, молодой девушки, к которой он сохранил на всю жизнь самые теплые чувства. Добрая девушка как умела ухаживала за племянником, наблюдала за его здоровьем, охраняла от последствий его слабого и болезненного сложения. Ее нежные заботы запечатлелись в чувствительном сердце ребенка и, быть может, еще более содействовали развитию этой чувствительности. Ее безыскусственные песни Руссо со слезами на глазах напевал и в последние годы своей жизни. Немногое могла дать эта девушка

своему питомцу, но это немного было: доброе сердце, справедливость, народная поэзия, музыкальные напевы. Non multa, sed multum.^[3] И доброе семя пало на добрую почву любящей, нежной, восприимчивой натуры. Кто может сказать, когда, где проросло оно и каким пышным цветом расцвело в знаменитой жизни славного Жан-Жака? К сожалению, при всем желании не противоречить мнению великого сына, нельзя того же сказать о последствиях влияния отца, беспокойного и беспорядочного Исаака Руссо.

По профессии часовщик (как большинство женеvцев его времени), а порою и танцмейстер, Исаак Руссо был по утрам, до обеда, занят своим ремеслом. В это время сын оставался с теткой. Послеобеденное время Жан-Жак проводил с отцом. С чувством признательности вспоминает он эти часы. Беспечный, увлекающийся Исаак страстно любил чтение и скоро приучил и маленького шести-семилетнего сына к этому занятию, наполнявшему его вечера. С самого раннего возраста, с каких пор Жан-Жак только помнит себя, отец уже приобщил его к своим чтениям, а когда мальчик научился читать, то к нему перешла и обязанность чтения вслух. Читались сначала исключительно романы, те фантастические, романтические романы, которые только и существовали в литературе того времени. Исаак и Жан-Жак, пожилой отец и младенец-сын, проводили целые ночи напролет в этом мире грез. Зачастую только утренний свет останавливал это очарованное чтение, этот гипнотический сон под влиянием необузданных фантазий средневекового романтического или восточного сказочного творчества. И пробужденный от этого гипноза пением петуха или бледнеющим светом лампы сконфуженный пожилой мечтатель нередко восклицал: «Идем спать, я, право, более ребенок, чем ты!» Когда запас романов, предлагавшихся тогдашней литературой, истощился, отец и сын перешли к истории и биографиям. Плутарх оставил особенно глубокий след на впечатлительной душе Жан-Жака. Влияние этого преждевременного, беспорядочного, отнюдь не детского чтения не могло не отразиться весьма серьезно на Руссо. Если оно заронило в его душу семена творческой фантазии, заложило потребность в умственной деятельности, стремление к легендарным доблестям древних героев, то, с другой стороны, донельзя повысило и без того чрезвычайную чувствительность, дало сильный толчок развитию невротических явлений и надолго спутало в молодой душе фантазии с действительностью. «Я не имел никакого понятия о реальных предметах, – пишет сам Руссо, – но все чувства уже были мне знакомы. Все доходило до меня, но не путем размышления, а путем фантазии». Надо было иметь гений Руссо, чтобы выйти победителем из этого испытания, способного совершенно

обессилить и извратить более слабый ум! Но и на последующие нервные и душевные страдания Руссо эти беспутные уроки раннего детства оказали, конечно, свое пагубное влияние.

Исаак Руссо был человек беспечный и беспорядочный и, как все такие люди, пренебрегал воспитанием сына, который если рос добрым ребенком, то единственно вследствие собственной доброй природы и под влиянием доброй тетки. Эта небрежность отца и эта слабость его, так ярко выразившиеся в факте всенощных чтений, не мешали ему быть очень взбалмошным и подчас несправедливым к ребенку. Существуют данные, доказывающие, что слабый надзор Исаака Руссо переходил порой в свою противоположность, и небрежность сменялась вниманием, которое было не всегда кстати. Между прочим приведем случай, когда бедный ребенок за разорванную книгу был заперт на несколько дней на чердаке. Этот случай рассказан кормилицей Жан-Жака. Сам он в своих «Confessions» передает, как однажды отец подвергал жестокому телесному наказанию старшего сына своего, Франсуа. Потрясенный воплями брата маленький Жан-Жак бросился и прикрыл собою наказываемого, но отец продолжал наказание, сильно избив таким образом бедного любящего мальчика. Если этот эпизод обрисовывает благородное, отзывчивое сердце маленького сына, то вместе с тем и взбалмошный, беспорядочный характер пожилого отца. Жан-Жаку был одиннадцатый год, когда его отец должен был оставить Женеву. Исаак Руссо переселился в Нион, местечко в Водуазском кантоне, оставив Жан-Жака у шурина Бернара. Старший сын, Франсуа, в это время уже скрылся из Женевы.

У дяди Бернара прожил в этот раз Жан-Жак недолго. Вместе со своим сверстником-кузеном он был вскоре отдан в пансион для мальчиков, содержавшийся священником Ламберсье невдалеке от Женевы, в деревушке Боссе. Здесь он пробыл около двух лет, и здесь же впервые начинает вырисовываться строй души мальчика, его добрые, даже великие достоинства так же, как и те патологические расстройства, которые потом внесли столько горечи и скорби в его жизнь. Росший до этого времени в городе, Руссо здесь, в Боссе, впервые прикоснулся к природе, и впечатлительная, отзывчивая душа его открылась навстречу красотам и чарам ее, вступила с нею в то тесное сердечное общение, которое затем подарило человечеству непревзойденные страницы его творений. В столь же трогательных, сколь и художественных картинах рисует нам Руссо в «Confessions» эти свои первые нежные свидания с природой, свои игры, занятия садоводством, наблюдения, чувства, навеваемые деревней... Деревня и природа навсегда остались самыми дорогими привязанностями

Руссо, и кто знает, эти симпатии, заложенные общением детской души и деревенской природы, не отразились ли на самих идеях Руссо, не усилили ли его отвращение к цивилизации, не подсказали ли ему мысль искать для нее лекарства в безыскусственных условиях, создаваемых природою без участия культуры?

Дружба с кузеном была вторым важным элементом жизни в Боссе. До этого времени Жан-Жак не общался со сверстниками. Он рос одиноким в обществе взрослых, в фантастическом мире романов и биографий. Он не мог быть ребенком – ни испытывать детские чувства, ни предаваться детским играм и занятиям. Боссе, его природа и дружба двоюродного брата дали Жан-Жаку радости детства. «Около тридцати лет миновало, – пишет Руссо в „Confessions“, – с тех пор, как я оставил Боссе, ни разу потом не столкнувшись в своей жизни с чем-либо, что могло бы мне напомнить это время. Но теперь, когда, переступая через зрелый возраст, я уже начинаю склоняться к старости, я чувствую, как возрождаются во мне эти воспоминания, и в то время как все остальные постепенно слабеют, эти вырисовываются в моей памяти с силой, все растущей, и очарованием, все усиливающимся. Кажется, будто, чувствуя обмеление потока жизни, я ищу его обновить и поддержать силами его истоков». Нежные и разумные заботы главной воспитательницы пансиона, m-lle Ламберсье, образованной девушки, сестры священника, и систематическое образование, даваемое мальчику под руководством самого Ламберсье, человека высоких достоинств и обширных знаний, должны быть тут тоже упомянуты в числе благоприятных сторон этого периода жизни Жан-Жака, который ни до этих двух лет, ни после никакого систематического обучения не получал и был лишен попечения образованной женщины.

Конец этого пребывания в пансионе Ламберсье ознаменовался событием, произведшим глубокое впечатление на нервную и чувствительную природу Руссо. Его несправедливо обвинили в поломке некоторых предметов туалета m-lle Ламберсье. Ни он, ни его двоюродный брат не были в этом виноваты. Они решительно отрицали свою виновность, но внешнее стечение обстоятельств свидетельствовало об обратном. Их запирательство побудило Ламберсье вызвать в Боссе Бернара. Улики были против них, и Бернар решил добиться признания. Самое жестокое наказание не могло, однако, вынудить к нему Жан-Жака. «Невозможно было, – пишет Руссо, – вырвать у меня признание, которого добивались. Несколько раз возобновлялось наказание, я приведен был в самое ужасное состояние, но я оставался непоколебимым. Я готов был скорее умереть, чем удовлетворить несправедливое требование. Сила должна была наконец

уступить дьявольскому упрямству ребенка, как называли они эту твердость. Истерзанным вышел я из этого испытания, но восторжествовавшем». Сознание вопиющей несправедливости и грубого насилия оставило глубокий, неизгладимый след в душе тринадцатилетнего мальчика. Заканчивая рассказ об этом эпизоде, Руссо прибавляет: «Набрасывая эти строки, я чувствую и теперь еще, как повышается биение пульса. Эти минуты никогда не забудутся мною, хотя бы я прожил сто тысяч лет. Это первое чувство несправедливого насилия так запечатлелось в душе моей, что всякая мысль, имеющая отношение к несправедливости и насилию, пробуждает во мне те же пережитые и незабываемые чувства. И это чувство, первоначально имевшее непосредственное отношение к моим личным страданиям, так глубоко внедрилось в мою душу, так окрепло, так высвободилось от всего личного, что сердце мое воспламеняется при виде всякой несправедливости, где бы она ни совершалась, с такой же силой, как если бы я лично страдал от нее. Когда я вижу петуха, корову, собаку, терзающих других животных только потому, что они сильнее, я не могу удержаться, чтобы не вмешаться и не защитить терзаемого, преследуя мучителя иногда до полного изнеможения. Возможно, что чувство это мне свойственно от природы, но глубоко запавшее в душу воспоминание о великой несправедливости, мною перенесенной, было слишком долго и слишком сильно с ним связано, чтобы не отразиться на всех моих чувствах и на развитии и усилении особенно этого чувства отвращения к несправедливости и насилию». Подлинно, можно сказать с Пушкиным: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат!» И беспутное чтение романов, и ласки деревенской природы, и нежные заботы m-lle Ламберсье, и дружба кузена, и само несправедливое наказание – все переработалось богато одаренной натурой, все помогало формировать тот характер и те идеи, которые отвечали великому призванию Жан-Жака Руссо.

Вскоре после рассказанного эпизода Жан-Жака и его двоюродного брата взяли из пансиона Ламберсье и поселили в Женеве, у дяди Бернара. Прежде, однако, чем проститься окончательно с этим пансионом, надо упомянуть еще об одном эпизоде. Рассказанное до сих пор обрисовало перед нами симпатичный образ любящего, отзывчивого, богато одаренного мальчика, жадно поглощающего все благое, что давала жизнь и природа, торжествующего над самым злом, обращая его в поучение и во благо. Теперь мы коснемся случая, обнаружившего уже в это раннее время симптомы патологические. В те времена, к которым относится наше повествование, то есть в 1722—1724 годах, свыше полутора лет тому назад, телесное наказание было общепринято в школах. Применялось оно и

в пансионе Ламберсье, где сама m-lle Ламберсье наказывала виновных школьников. Дважды пришлось и Жан-Жаку перенести подобное наказание от нежно любимой им воспитательницы. Руссо отмечает в своих воспоминаниях, что это наказание (по его свидетельству, всегда заслуженное и снисходительное) доставляло ему удовольствие. Он готов бы был преднамеренно искать наказания, если бы не боязнь огорчить m-lle Ламберсье, которая прибегала к нему лишь очень рассерженная и огорченная. Вскоре по оставлении пансиона Жан-Жак познакомился в Женеве с четырнадцатилетней девицей Готон, по-видимому многое успевшей испытать в детстве. Они играли с ней в школу, и мальчик изображал школьника, а девочка – начальницу школы, причем нередко эта воображаемая начальница подвергала своего ученика общепринятому наказанию, и добровольно принимаемая, желаемая розга подруги доставляла ему то же удовольствие, что ранее он испытывал во время наказания на коленях у девицы Ламберсье. Сообщая об этих постыдных эпизодах своего отрочества, Руссо сам отмечает их ненормальность и полагает, что они надолго извратили его чувства к женщинам, отразившись на всей его жизни. Ненормальность, даже прямо психопатичность упомянутых чувств и поступков несомненна, но, конечно, не розга девицы Ламберсье породила эти патологические явления. Она, эта розга, могла, однако, пробудить дремавшие инстинкты, пробудить и усилить. Почва же, несомненно, лежала в природной организации. Пребывание в Боссе показывает нам и богатые силы этой организации, и первые узоры наследственной душевной болезни. Около двух лет пробыл Жан-Жак у дяди Бернара без всяких определенных занятий и дела. Двоюродный брат его готовился в инженеры. За компанию с ним и Руссо кое-чему научился, но тому, что ему приходилось по вкусу, именно геометрии и рисованию. Свободного времени у него было очень много, обязательного дела никакого, а на улице в том благословенном климате так много всего: солнце, небесная синева, веселое журчание Роны, гладкая лазурь обширного озера, окруженного зеленой рамкой гор, увенчанных белой короной вечных снегов! Сам исполин Монблан сверкает своей вершиной счастливым обитателям Женевы. Немудрено, если Жан-Жак проводил большую часть дня на этой веселой улице. Это понятно, но непонятно, почему уличная жизнь не испортила его. Эпизод с девицей Готон показывает одну из тех опасностей, которым подвергался впечатлительный мальчик с пылким темпераментом и невротической наследственностью в крови, предоставленный самому себе и слепому случаю. Эта игра слепого случая ставила дважды Жан-Жака в положение еще более опасное.

Однажды, играя на отдаленной от дядино дома улице со случайным знакомым, таким же свободным от занятий, надзора и попечений мальчуганом, Жан-Жак поссорился с ним, и драчливый товарищ ударил его по голове с такой силой, что Руссо упал на землю, обливаясь кровью, с проломленным черепом. Испуг драчуна, его слезы и просьбы тронули чувствительного Жан-Жака, который был отведен к матери виновного. Ее компрессы и повязки остановили кровь и кое-как поддержали его силы настолько, что он смог доплестись до дому. Здесь он приписал свою рану неловкому падению, совершенно выгородив случайного товарища уличных игр. Аналогичный случай приключился с Жан-Жаком, когда он зашел в одну мастерскую, где из шалости один мальчик раздробил ему барабаном пальцы левой руки. Раскаяние шалуна заставило Жан-Жака и тут скрыть истинную причину полученного им увечья, приписав его собственной неосторожности. Руссо долго не владел левой рукой, пальцы которой остались навсегда несколько поврежденными. По счастью, это была не правая рука, которой предстояло написать шедевры всемирной литературы.

Среди таких-то опасностей, безделья, беспечной праздности и разнообразных впечатлений провел Руссо два года у дяди Бернара. Следует еще отметить, пожалуй, его идеальное, но страстное увлечение девицей Вьюльсон, молодой девушкой старше его лет на десять. Замечательно, что это романтическое увлечение было современно другому увлечению, носившему отнюдь не идеальный и не романтический характер: четырнадцатилетнюю девицей Готон. По этому поводу Руссо замечает: «Я знаю два рода любви, два совершенно различных способа любить, глубоко захватывающих меня и не имеющих ничего общего ни между собой, ни с чувством нежной дружбы. В течение всей моей жизни я колебался между этими двумя столь несовместимыми чувствами любви. Порою я их испытывал одновременно». Так здоровое чувство благородной природы боролось в нем с проявлениями патологической наследственности и влияниями беспутного воспитания! Время, однако, шло. Жан-Жаку пошел шестнадцатый год. Надо было выбирать род жизни. В конторе нотариуса Массерона, куда он был определен клерком, его нашли неспособным, после чего решено было сделать его гравером. В Женеве, где на стольких часах нужно гравировать столько вензелей, гербов, всяких украшений, гравировальное ремесло очень распространено. Жан-Жак был определен к мастеру Дюкоммену учеником и пробыл у него около года. Это пребывание – очень печальный эпизод в жизни Руссо. Мастер отличался жестокостью, жадностью, корыстолюбием. Учеников кое-как кормили, заставляли много работать, жестоко наказывали. Естественно, если ученики на недоедание за

обедом отвечали воровством съестного; на принуждение к чрезвычайному труду – ленью и небрежностью; на наказание – ложью и всяческими хитростями, лишь бы обмануть ненавистного им хозяина. Мало-помалу и Руссо был вовлечен во все эти неизбежные пороки, к коим побуждали ежовые рукавицы мелкого, но свирепого тирана. Кончилась эта неравная борьба тем, что в одно прекрасное весеннее утро Жан-Жак бежал от Дюкоммена и, по примеру своего старшего брата Франсуа, оставил Женеву. Это было 14 марта 1728 года; юному беглецу было без малого (без трех месяцев) шестнадцать лет. Нервный темперамент и независимый характер находят в этой решимости новое яркое выражение.

Дня два странствовал беглец по Женевскому кантону, находя гостеприимство у крестьян, после чего перешел границу отечества и очутился в Конфиньоне, пограничной савойской деревушке. Католический священник этой деревушки, старик Понвер, радушно принял симпатичного еретика. Конечно, следовало уговорить юношу возвратиться, следовало дать знать отцу. Но ведь это означало отослать юношу на лоно ереси! Заботы о спасении души Жан-Жака побудили Понвера отослать его в противоположную сторону. Он направил его в глубь Савойи, в городок Аннеси, к баронессе Луизе-Элеоноре Варанс, которая должна была содействовать обращению молодого еретика в правоверного католика. Престарелый патер не мог выбрать для этого способа лучше, но вместе с тем его выбор был решительным в жизни Руссо. Баронесса Варанс – самая продолжительная и, пожалуй, единственная серьезная любовь Руссо, и отношения между ними наполняют большую и лучшую часть жизни великого писателя.

Луиза-Элеонора де ла Тур родилась в Веве 31 мая 1699 года. Через год она потеряла мать, а еще через пять лет (1705 год) ее отец, Жан-Батист де ла Тур, один из сеньоров Водуазского кантона, привел в дом мачеху, молодую французскую гугенотку. В 1709 году умер отец, и десятилетняя Луиза была помещена в пансион г-на Монви в Лозанне. Четырнадцать лет, в 1713 году, она вышла замуж за Себастьяна Исаака де Луа, сеньора де Вильярдена, барона де Варанс. Детство ее было печально, полно утрат, лишено материнской заботы. Серьезный, вечно занятый политическими и общественными делами муж не дал ей утешения. Детей не было. Не удивительно, если молодая женщина, отличавшаяся страстным темпераментом и обаятельно-красивой наружностью, не удержалась на стезе строгой добродетели. К тому же она выработала своеобразный взгляд на женскую добродетель. Любовную связь она не считала преступлением и находила, что не великодушно мучить хорошего человека, отказывая ему в

любви. Это не мешало ей обладать замечательно отзывчивым, великодушным сердцем, готовностью пойти на помощь всякому нуждающемуся и тонким, острым умом. При красивой наружности и литературном развитии все это делало ее женщиной в полном смысле слова обаятельной. В 1726 году она бросила мужа, оставила Швейцарию и, приняв католичество, поселилась в Савойе, в Аннеси. Лишенная за это своего оставленного на родине имущества, она получила небольшую пенсию от Сардинского короля Виктора Амедея, на которую и существовала в маленьком савойском городке. Сюда-то 21 марта 1728 года явился к ней Жан-Жак Руссо с письмом от конфиньонского священника. Тогда ей было без малого двадцать девять лет и она была в полном расцвете красоты и сил. Немудрено, если эта прелестная, обаятельная дама произвела на пылкого романтического юношу чарующее впечатление, не изгладившееся до могилы. Красивый и симпатичный Жан-Жак Руссо тоже понравился молодой баронессе, но прежде всего следовало подумать о спасении его души, погрязшей в нечестии кальвинистской ереси!.. Для этого надо было отправить его в Турин, где существовало для подобных целей специальное учреждение. 24 марта, снабженный всем необходимым и в сопровождении пожилых опытных спутников, провожаемый благословениями очаровательной покровительницы, Руссо отправился пешком через Альпы в Турин. Чувство природы, которое было так живо в душе Руссо, сделало из этого путешествия счастливый и памятный эпизод в его жизни, а литературе подарило несколько прекрасных страниц его мемуаров.

В Турине он был помещен в монастырь, специально занимавшийся обращением неверных еретиков. Около четырех месяцев пробыл Руссо в этом учреждении, обучаясь догматам католической религии. В конце лета состоялось торжественное обращение, и снабженный небольшой суммой в 20 франков, собранных по подписке, новообращенный шестнадцатилетний католик был выпущен на улицы Турина, предоставленный собственной участи. Сначала он попробовал применить к делу свои несовершенные познания в граверном ремесле. Одна молоденькая и красивая лавочница, по фамилии Базиль, более плененная симпатичной наружностью и открытым, доверчивым сердцем юноши, нежели его искусством, предоставила ему некоторые работы в лавке своего отсутствующего мужа. Однако это не понравилось возвратившемуся вскоре супругу, и Жан-Жак был выпровожен из лавки, снова оставленный без работы и лишенный ласкового внимания красивой итальянки.

Необходимость добывать кусок хлеба и недавняя неудача заставили

нашего мечтателя не побрезгать местом прислуги в доме графини Верселис, гордой и влиятельной аристократки. Престарелая графиня была очень больна, но не оставляла своей обширной политической и литературной переписки. Сама она, однако, уже не могла писать, и литературно-грамотный Жан-Жак ей пришлось совершенно кстати. Он заменил ей домашнего секретаря, хотя и оставался в положении лакея. И месяца не пробыл Руссо на этом месте, как скончалась графиня, и слуги были распущены ее наследником. К этому времени относится один эпизод, известный нам единственно из «Исповеди» самого Руссо и составляющий несомненно самое темное приключение его жизни. Влюбчивому Жан-Жаку нравилась молодая девушка по имени Марион, одна из младших горничных графского дворца. Желая ей подарить что-нибудь и не имея для того средств, он прельстился розовой лентой, принадлежавшей старшей камеристке графини. Ленту он похитил, но передать Марион не успел, так как камеристка скоро заметила пропажу, наделала шума, и злополучная лента была найдена у молодого лакея, который, однако, в свое оправдание сказал, будто ленту эту ему подарила Марион. Возмущенная девушка все решительно отрицала, Жан-Жак настаивал, свидетелей не оказалось, дело осталось невыясненным. Лента была возвращена по принадлежности, а Марион и Жан-Жак были отпущены вместе с прочими слугами покойной графини. Так окончился этот эпизод, впоследствии причинивший Жан-Жаку много нравственных мучений, но явившийся довольно естественным плодом опытности, приобретенной в недавно оставленной им мастерской женева гравера.

«Мне неизвестно, – прибавляет к своему рассказу об этом эпизоде Руссо, – что затем случилось с бедной жертвой моей клеветы. Едва ли после такого инцидента она могла без затруднений найти новое место. Она уносила с собой обвинение, во всех отношениях марающее ее честь. Сама кража была наименьшее в этом бесчестии. Это была, однако, кража с целью соблазнить молодого мальчишку. Наконец, ложь и запирательство дополняли тяжелую картину, не оставлявшую никакой надежды на исправление девушки, соединившей в себе столько пороков. Нищета и нужда, в которые могла ввергнуть Марион моя клевета, мне рисуются как естественное начало судьбы бедной девушки, а далее? Кто знает, куда в ее годы могло привести это незаслуженное унижение? И если сама мысль, что она может быть несчастна по моей вине, является для меня невыносимой, то гораздо тяжелее думать, что я своим гнусным поступком мог толкнуть ее на путь еще более недостойный. Это жестокое воспоминание меня часто смущает, и порою я вижу во сне бедную, невинную Марион: она приходит

и упрекает меня за мое преступление, которое мне представляется так живо, как будто оно было совершено вчера. Покуда я жил спокойно, оно меня меньше мучило. Но среди бурной жизни оно отнимает у меня утешение, даваемое сознанием неправого гонения. Оно научило меня той истине, о которой я уже упоминал в других трудах, что раскаяние дремлет среди благополучного существования и со всею силою и болью пробуждается среди невзгод и лишений. Как ни тягостно было мне носить это осознание в своем сердце, я никогда не был в силах поверить его даже самому близкому другу, даже Варанс. Я мог сказать ей только, что чувствую за собой вину жестокого поступка, не будучи в силах сообщить его сущность. Эта тяжесть до сего дня лежала на моей совести. Желание исповедаться в ней и было одной из побудительных причин, по которым я решился написать эту исповедь».

Таковыми-то мучительно яркими красками рисовало пылкое воображение Руссо этот неприглядный эпизод его юности. Конечно, в значительной степени это была фантазия, продиктованная горячим чувством справедливости и жестоким раскаянием. В действительности все было гораздо проще. Граф де Ларок, племянник и наследник графини Верселис, лично разбирал это дело между двумя подростками. Не имея данных для обвинения того или другого, он отпустил обоих, сказав только, что «совесть виновного накажет его за невинного». Это говорит сам Руссо, а так как Марион ни в чем не обвиняла Руссо, а только оправдывалась, то слова графа показывают, что он скорее склонялся на сторону Марион. Прислуга, знавшая ее дольше, чем Жан-Жака, тоже была на ее стороне, как сообщает сам Руссо. Последствия для Марион, рисуемые Руссо, были фантазией, но последствия для Руссо были серьезнее. Стыд всего этого приключения излечил его от привычек, приобретенных у Дюкоммена. Он увидел, что мелкое воровство и ложь приводят иногда к очень тяжелым и постыдным положениям. У Дюкоммена же это было естественной и даже необходимой самообороной от свирепой тирании жадного хозяина.

Отпущенный после смерти графини Верселис Руссо скоро получил по рекомендации графа де Ларока место лакея у графа Гувона. Способности молодого слуги обратили внимание аббата Гувона, сына старого графа. Аббат взялся докончить его обучение, но не суждено было осуществиться и этой новой попытке дать Жан-Жаку систематическое образование. Неуравновешенный, недисциплинированный, неусидчивый характер Руссо был тому причиной. Должность лакея, конечно, мало говорила его уму и сердцу. Она ему наскучила, и он стал небрежно исполнять свои лакейские обязанности. Память о нежном внимании баронессы Варане, собственно

говоря, никогда не покидала Жан-Жака и теперь проснулась с новой силой. Его влекло в Аннеси. Встреча с земляком-женевцем еще более отравила его от Турина. Он совсем пренебрег своими обязанностями. Управляющий дворцом отказал ему. Попытка аббата Гувона уладить эту историю разбилась об упорство Руссо, который ответил, что, получив отказ, он не может возвратиться. С небольшим год он пробыл, таким образом, в Турине и осенью 1729 года уже снова предстал перед обожаемой Варанс. Удивленная и обрадованная, она расплакалась и воскликнула: «Теперь, когда Провидение мне вторично посылает этого милого мальчика, я больше не оставлю его». Руссо остался у Варанс, и здесь кончается первый период его жизни, бурный период его детства и отрочества. Мы подробно проследили этот период. Мы показали, как сначала у отца, у Ламберсье, у Бернара богато одаренная, пылкая, благородная природа мальчика боролась с неблагоприятными влияниями, жадно впитывая все доброе, глубоко чувствуя все злое. Маленький Жан-Жак вышел победителем из этих испытаний, хотя черты наследственной невропатии уже давали себя знать. Следующий затем период пребывания у гравера Дюкоммена и туринские скитания по лакейским пьемонтских аристократов легли мрачной тенью на жизнь Руссо. Пагубные условия пробудили низкие инстинкты, но и здесь в конце концов здоровые инстинкты взяли верх. Пятнадцатилетний мальчик оставляет школу порока и унижения у Дюкоммена и пробует взять свою судьбу в свои руки. Те же здоровые инстинкты пробуждаются в нем и в Турине и гонят его из лакейской милостивого графа Гувона. Под слоями грязи, нарощей в мастерской гравера, в лакейских графини Верселис и графа Гувона, скрывалась пылкая и благородная душа, жаждавшая правды, добра, жертвы. «В эту пору его жизни, – пишет лучший его биограф, Джон Морлей, – трудно бы было найти человека, который меньше его был бы способен возбудить симпатии к себе, вызвать участие к своей судьбе. Для этого надо было быть наблюдателем, глубоко изучившим тайные изгибы человеческого характера; надо было предугадать в этом скрытном, чувственном, неусидчивом и мечтательном мальчике те душевные силы, которые некогда разольют пламя по целому свету». Доброе, отзывчивое сердце Луизы Варанс постигло это «нечто» в юном Жан-Жаке, – нечто, столь малопостижимое мудрецами. Ей мир обязан сохранением этой хрупкой организации, которая могла бы и не выдержать, если бы нежная привязанность прелестной женщины не дала отдыха измученному юноше и не приготовила его к новым, еще более тяжелым испытаниям.

С 1729 по 1740 год, с небольшим десять лет, продолжалась с некоторыми перерывами совместная жизнь Руссо и Варанс. Сначала это

было романтическое, идеальное обожание с его стороны и нежная, почти материнская привязанность с ее. Ему было семнадцать, ей – тридцать лет. Потом, когда юноша превратился в здорового, пылкого и нежного молодого человека, симпатия перешла в горячую взаимную любовь, которая дала им несколько лет безмятежного счастья. Причиной разлуки стало новое увлечение легкомысленной, сумасбродной, но всегда искренней и великодушной Варанс. Расскажем вкратце главнейшие события этого сравнительно мирного и спокойного периода в жизни Руссо.

Варанс первоначально составила план сделать из юноши священника и уговорила его отправиться для этого в семинарию, но эти планы были не по душе Жан-Жаку. К тому же и преподаватели находили его малоспособным. Это облегчило Руссо задачу уговорить свою покровительницу дозволить ему посвятить себя музыке. Он был определен в хор певчих в Аннеси и попал под руководство регента Леметра, тонкого знатока музыки, отличного преподавателя, но необузданного и беспорядочного человека. Руссо, всегда любивший музыку, многим обязан Леметру, и, по своему обыкновению, он горячо привязался к учителю. Когда же последний поссорился с настоятелем костела и тайно скрылся из Аннеси, Руссо последовал за ним с благословения Варанс, которая, по-видимому, имела свои причины временно удалить своего любимца. Ей предстояло путешествие в Париж с какими-то таинственными политическими поручениями. Руссо, однако, оставил Леметра в Лионе и возвратился в Аннеси, но уже не застал баронессы. Некоторое время он жил у нее в квартире, предавался уединенным прогулкам, наслаждался роскошной природой этого края и даже чуть не увлекся двумя молоденькими девушками, встреченными им на прогулке. Однако Варанс не возвращалась, и квартира ее пустела. Последняя прислуга, молодая горничная баронессы, оставила квартиру и решила отправиться домой, к родителям, которые жили в Бернском кантоне. Жан-Жак охотно принял ее предложение проводить ее на родину. Он любил пешеходные странствования, а в настоящем случае и перспектива увидеть родину и отца склоняла его к тому же. Побывав у отца в Нионе, он затем поселился в Лозанне и занялся преподаванием музыки, к чему был слишком мало подготовлен.

Он даже давал концерт, но, конечно, провалился. Неудачи в Лозанне заставили его перенести свою музыкальную деятельность в Невшатель. Уже более опытный, по природе музыкальный, старательно учившийся сам, Руссо успел в Невшателе приобрести уроки и давал их не без успеха. Здесь он встретил одного сирийского монаха, выдававшего себя за

иерусалимского архимандрита и собиравшего пожертвования на религиозные учреждения Иерусалима. Руссо очень увлекся деятельностью монаха и примкнул к нему, но в Золотурне французский посланник, ранее бывавший на Востоке, уличил самозванного архимандрита и приютил у себя Руссо, который увлекся идеей поступить на военную службу. Посланник отправил его в Париж, где Руссо надеялся застать и Варанс. Эта надежда не осуществилась, так же как и планы военной службы. После нескольких дней пребывания в Париже он решил возвратиться в Савойю, где и нашел Варанс, но уже не в Аннеси, а в другом городке Савойи, в Шамбери.

Все эти многочисленные путешествия 1731 года: из Аннеси в Лион, из Лиона в Аннеси, из Аннеси через Женеву и Лозанну во Фрибур, из Фрибура в Лозанну, из Лозанны в Невшатель, из Невшателя через Берн и другие города Швейцарии в Золотурн, из Золотурна в Париж и из Парижа через Лион и Аннеси в Шамбери – были совершены Руссо пешком и наполнили его жизнь именно теми впечатлениями сердечного общения с природой и простого деревенского быта, которые были так любимы Жан-Жаком и о которых он нам оставил столько бесподобных рассказов. Следить за ними значило бы перепечатать многие страницы «Исповеди», посвященные этим странствованиям. Ни задача, ни объем нашей книги не позволяют нам этого сделать. Я отмечу лишь один эпизод путешествия из Парижа в Лион, характерный для истории постепенного развития идей и философского настроения Руссо. Приведем этот эпизод в его изложении: «Однажды, охваченный желанием ближе увидеть местность, которая мне издали казалась особенно восхитительной, я свернул с большой дороги, но затем, увлекаясь видами, столько раз сворачивал вправо и влево, вперед и назад, что потерял путь. Проблудив бесполезно несколько часов, истомленный до изнеможения, проголодавшийся до смерти, я зашел в хижину крестьянина, очень бедную и невзрачную лачужку, но единственную встреченную мною в окрестности. Я полагал, что и здесь, во Франции, так же, как в Женеве и вообще в Швейцарии, все могут по желанию и средствам оказывать гостеприимство путнику. Я попросил хозяина дать мне пообедать за плату. Он мне предложил снятого молока и грубого ячменного хлеба, уверяя, что это все, что он имеет. Я с жадностью пил это молоко и уничтожил весь поданный мне ломоть хлеба, но этого было недостаточно для человека столь утомленного и так проголодавшегося. Мой аппетит убедил крестьянина в совершенной правдивости моего рассказа о себе. Он сам сказал мне об этом, прибавив, что видит во мне доброго и честного человека, который не пожелает

предать его. Затем он открыл маленький люк около кухни, спустился в подполье и скоро возвратился, неся прекрасный пшеничный хлеб, аппетитный кусок окорока и бутылку порядочного вина, что меня, голодного и жаждущего, очень обрадовало. К этому была прибавлена отличная яичница, и я пообедал с удовольствием, с каким редко обедают гастрономы. Когда пришло время расплачиваться, мой гостеприимный хозяин решительно и с явным страхом отказывался принять плату. Я не понимал, чего он боится. Наконец он произнес имена надзирателей и сборщиков. Он мне сознался, что прячет от них свое вино и свой хлеб и что он был бы вконец разорен, если бы агенты эти не были уверены, что он умирает с голоду. Все это и многое другое, что он передавал мне, оставило во мне неизгладимое впечатление. Отсюда зародилась во мне та неугасимая ненависть, которая с этих пор наполняет мое сердце против лишений, испытываемых несчастным народом, и против его угнетателей. Этот крестьянин, хотя и зажиточный, не смел спокойно есть хлеб, добытый в поте лица, и мог избежать разорения, лишь прикидываясь таким же нищим, как и все вокруг него. Я вышел из его жилища столько же возмущенный, сколько растроганный, оплакивая в сердце своем судьбу этого чудного края, который природа осыпала дарами своими, ставшими добычей этих ненасытных варваров».

Так в сердце девятнадцатилетнего юноши накапливались мало-помалу впечатления и мысли, через двадцать лет взволновавшие весь цивилизованный мир. В течение этого же путешествия, летом 1731 года, Жан-Жак, будучи в Париже, написал в стихах сатиру на капитана Годара, с которым он имел сношения, когда мечтал о военной службе. Эта полудетская шутка была первым литературным опытом Руссо. Осенью того же 1731 года Жан-Жак снова оказался под радушной кровлей своей обожаемой и нежной покровительницы, в савойском местечке Шамбери, впоследствии прославленном этим продолжительным пребыванием великого мыслителя и ставшим местом, куда стекаются многочисленные поклонники великого писателя, стараясь увидеть эти виды и пейзажи, эти тропинки, которыми любовался и вдохновлялся и по которым бродил еще неизвестный тогда юноша, носивший, однако, в своем сердце судьбы человечества.

Почти восьмилетнее пребывание Руссо в Шамбери очень скудно внешними событиями, так резко отличаясь в этом отношении от предыдущего и последующего периодов его жизни. Изучение музыки и ее преподавание было долгое время главным занятием Руссо и служило ему средством к жизни. Одно время он состоял чиновником в статистическом

бюро финансового ведомства Сардинии. Тогда же он получил наследство, оставшееся после матери и переданное им госпоже Варанс. Несколько раз Жан-Жак предпринимал маленькие путешествия в Женеву, где жила его тетка Бернар, потерявшая в это время и мужа, и сына; в Нион, где продолжал жить его отец; в Лион, куда его влекли некоторые завязанные им интеллигентные знакомства... Любовь его нежной подруги; природа, столь великолепная в этом чудесном уголке Западных Альп; музыка, всегда с детства составлявшая его любимое занятие; систематическое самообразование, которым молодой человек старался пополнить свое неоконченное образование; первые робкие литературные опыты в стихах и прозе, – так разнообразна и богата была внутренняя жизнь Руссо в это время, когда окончательно выработывались и складывались тип и направление мысли будущего властелина сердец и дум многих поколений.

Латинский язык, математика, физика, химия, астрономия, история, ботаника, но особенно литература и философия были изучаемы гениальным юношей в эти тихие годы безмятежно счастливой жизни с его любимой Луизой в Шамбери и в поэтических Шарметтах, соседней деревушке. Вот подробное описание его дня в Шарметтах, с нежной памятью занесенное им на страницы «Confessions».

«Обыкновенно я вставал очень рано, до восхода солнца, и отправлялся на свою утреннюю прогулку. Большею частью я выбирал для этого тропинку, проложенную повыше нашего виноградника по живописной местности и выведившую меня к Шамбери. Там, во время этой уединенной прогулки, я творил свою утреннюю молитву. Никаких заученных слов я не произносил при этом. Молитва моя заключалась в восторженном поклонении сердцем моим Тому, Кто сотворил эту чудную природу, что окружала меня. Я не люблю молиться в комнате: мне кажется, что стены и все эти мелочи окрест меня становятся между Богом и мною. Я люблю познавать Его в Его творениях и сердцем своим возноситься к Нему. Мои молитвы были чисты. Для себя и для той, которую никогда не отделял от себя, я просил жизни, невинной и спокойной, без пороков, болезней, тяжелых лишений; я просил смерти праведных и их участи в будущей жизни. Но более, нежели в прошении, эта молитва заключалась в поклонении и сердечном умилении. Я знал, что заслуживать милость Того, Кто распределяет блага этой жизни, надо не столько просьбами, к Нему обращенными, сколько доброй жизнью. Надо не столько просить, сколько заслужить... С прогулки я возвращался другой дорогой, делая значительный обход и с любовью взирая на мирные картины сельской жизни, природы, труда, – картины, которые одни никогда не надоедают.

Издали уже я всматривался в наше жилище, стараясь разглядеть, начался ли день у моего друга? Если я замечал, что ставни ее комнаты уже отперты, я, радостный, спешил к ней. Если же они были затворены, я ждал ее пробуждения в саду, занимаясь садоводством, мысленно повторяя выученное накануне. Наконец отворялись ставни, и я спешил к постели моей подруги, чтобы обнять ее, часто еще полупробужденную, полудреmlющую. И это утреннее свидание, чистое и нежное, было очаровательнее самой жгучей страсти.

Обыкновенно на завтрак мы имели кофе со сливками. Это было самое спокойное время дня у нас, когда мы беседовали всего приятнее. Наши утренние свидания наедине оставили во мне навсегда особенное пристрастие к завтраку. Я предпочитаю поэтому английские и швейцарские завтраки французским, подаваемым каждому в его комнату и наскоро съедаемым людьми, спешащими по своим делам. Часа два проводили мы вдвоем по случаю завтрака, после чего я отправлялся к своим книгам, в мою комнату, где и занимался до обеда. Начиная с философских сочинений: с „Логики“, „Опытов“ Локка, с Мальбранша, Лейбница, Декарта и других. Я, конечно, не мог не видеть, что авторы эти постоянно противоречат друг другу. Сначала я задался химерическим планом их согласовать. Я изнемогал под бременем этой непосильной задачи и потратил на нее много времени. Я терял голову и не подвигался вперед в моем философском развитии. Наконец я отказался от этой химеры и избрал другой метод, которому я и обязан всеми своими успехами на этом пути и который был наиболее пригоден для меня, вообще малоспособного к учению. Принимаясь за какого-нибудь автора, я ставил своей задачей усвоить его точку зрения, проникнуться его идеями и следовать за ним, не примешивая ни своих идей, ни идей другого мыслителя, никогда не стараясь его оспаривать или ему противоречить. Я сказал себе: „Начнем с того, чтобы скопить в голове целый магазин идей, истинных и ложных, но непременно ясных, и предоставим в будущем голове моей, уже достаточно наполненной идеями, разобраться в них и выбрать более верные“. Я сознаю, что метод этот имеет свои неудобства, но мне он много помог в моем самообразовании. Через несколько лет, посвященных такому мышлению по следам других, почти без критики и собственной оценки, я оказался обладателем достаточно значительного капитала идей и методов, чтобы обратиться к собственной мысли и не нуждаться более в помощи. После странствования и дела лишили меня возможности предаваться по-прежнему книгам, но мысль моя невольно и постоянно возвращалась к прочитанному, к сравнению, проверке, критике. Я обстоятельно взвешивал

силу доводов, я судил своих учителей. Довольно поздно я дал свободу своему критическому мышлению, но, кажется, это не ослабило его. И когда я публиковал свои собственные идеи, меня никто не обвинял в заимствовании, в слепом следовании указке учителей, в клятвах *in verba magistri*..^[4] От философии я перешел к элементарной геометрии, но никогда не поднялся в этой области выше. Недостаток памяти заставлял меня много раз возвращаться к началу и снова повторять все пройденное. Евклид был мне не по вкусу. Он гонится более за цепью доводов, нежели за связностью идей. „Геометрия“ Лами мне, напротив, очень понравилась, и Лами стал одним из любимейших моих авторов. Порою я и теперь с удовольствием перечитываю его сочинения. После геометрии следовала алгебра, и тот же Лами был и здесь моим руководителем. Когда я изучил элементарную алгебру по Лами, я занялся „Наукой исчисления“ Рейно, потом его же „Наглядным анализом“, который, впрочем, я лишь поверхностно просмотрел. Никогда я не был достаточно посвящен в тайны математического анализа, чтобы вполне усвоить смысл приложения алгебры к геометрии. Мне не по вкусу этот метод оперировать геометрическими данными, их не видя, и мне кажется, что решать геометрическую проблему при помощи алгебраических уравнений – все равно, что играть арию, вертя рукоятку шарманки. Когда, например, я впервые нашел путем исчисления, что квадрат двучлена равняется сумме квадратов составляющих его членов с приложением удвоенного произведения этих же членов, я не был удовлетворен этим исчислением и, несмотря на его совершенную точность, только тогда доверился выводу, когда проверил его графически. Из этого не следует, однако, чтобы я не любил алгебры вообще, но она увлекала меня лишь в области абстрактных величин. Когда же ее применяли к пространственным величинам, я желал видеть, как эта операция осуществляется в фигурах и линиях. Иначе мой ум отказывался уразуметь сущность решенной теоремы и ее правильность.

За алгеброй следовал латинский язык. Изучение его было самым трудным для меня делом, и я не успел достичь многого в этом предмете. Сначала я следовал общепринятому методу учебников, но бесплодно. Эти варварские вирши мне были противны, и мои уши были для них глухи. Я терялся в лабиринте и, выучивая последнее, забывал предыдущее. Заучивание слов тоже не может быть успешно для ума, почти лишенного памяти. Я упорствовал долго на этом пути, надеясь развить память. В конце концов пришлось все-таки оставить этот метод. Я достаточно усвоил строение языка, чтобы при помощи словаря читать легкий текст. Я выбрал эту дорогу и по ней двигался успешнее. Я делал устный перевод читаемого

и благодаря упражнениям со временем достиг способности довольно свободно читать латинских авторов, но никогда не мог ни писать, ни говорить по-латыни. Это обстоятельство порою ставило меня в затруднительное положение, особенно после того, как я, неизвестно почему и как, был включен в сословие литераторов. Другое неудобство такого самообучения заключалось в невозможности усвоить просодию и версификацию. Я затратил много усилий и труда на это изучение, потому что желал чувствовать гармонию языка прозаического и поэтического. Я должен был убедиться, однако, что без учителя это почти невозможно. Усвоив самый легкий размер, именно гекзаметр, я имел терпение проскандировать почти всего Вергилия, отметив повсюду ударения и долготу слогов. Потом, когда я бывал в сомнении, должно ли посчитать данный слог долгим или коротким, я обращался к моему размеченному Вергилию. Очевидно, это приводило меня нередко к ошибкам, ввиду некоторых вольностей, допускаемых правилами латинского стихосложения. Таким образом, если самообучение имеет свои преимущества, то вместе с тем изобилует и неудобствами, и трудностями. Я знаю это лучше кого бы то ни было. Перед обедом я оставлял книги и, если еще оставалось время, шел навестить моих друзей, голубей, или ухаживал за растениями в саду. К обеду я приходил обыкновенно в отличном расположении духа и с прекрасным аппетитом. Вообще аппетит меня никогда не покидает, даже когда я болен. Мы обедали самым приятным образом, с веселыми разговорами, не торопясь. Два или три раза в неделю, смотря по погоде, мы пили послеобеденный кофе в саду, в тенистой и прохладной беседке, которую я обсадил хмелем и которая доставляла нам много отрады во время зноя. Затем мы осматривали наш огород, наши цветники, сад, болтали о нашей счастливой жизни, и эти беседы заставляли нас еще сильнее чувствовать ее радости. В конце сада я имел другую маленькую семью: это были мои пчелы. Я их посещал ежедневно, и часто мы оба. С интересом следил я за их трудами; меня забавляло наблюдать, как они возвращаются с добычей, нагруженные до такой степени, что им трудно передвигаться. В первое время мое любопытство показалось им нескромным и два или три раза они ужалили меня. Но затем мы столь хорошо познакомились, что я мог подходить так близко, как хотел: они не трогали меня. И как бы ни были полны улы, готовые выпустить рой, как бы пчелы меня ни окружали, садясь мне на руки, на платье, ползая по лицу, они никогда не жалили. Все животные остерегаются человека. Они имеют слишком много оснований для этого. Но если однажды они убеждаются, что человек не желает им зла, они вполне доверяются ему, и надо быть

поистине дикарем, чтобы обмануть это доверие.

Потом я снова возвращался к книгам. Послеобеденные занятия мои можно, впрочем, скорее назвать отдыхом и удовольствием, нежели учением. Систематическая работа после обеда, среди зноя, мне была затруднительна, и я просто читал, не изучая. Меня занимали особенно история и география, и так как это не требовало напряжения ума, я достиг порядочных результатов, насколько позволяла моя память. Я хотел также изучить Пето и погрузился было в сумрак хронологии, но критика без дна и без берегов не пришлась мне по вкусу. Более привлекало меня точное измерение времени по движению светил небесных. Я очень увлекся даже астрономией, но отсутствие инструментов сдерживало это увлечение. Пришлось ограничиться общими понятиями, усвоенными из книг, и суммарным ознакомлением с небом при содействии небольшой зрительной трубы, которая была мне необходима как близорукому. Не могу не припомнить кстати одного маленького комического приключения, порожденного моими астрономическими наблюдениями. Чтобы ознакомиться с созвездиями, я приобрел небесную планисферу (карту северного неба). Я натянул ее на раму и в ясные звездные ночи выходил в сад, где укреплял раму на четырех шестах, вышиной в мой рост, обращая картой вниз и освещая свечой, спрятанной в ведре, чтобы ее не задувал ветер. Затем, наблюдая карту простым глазом, а небо в трубу, я старался изучить звезды и созвездия. Наш садик был на возвышении, и с дороги было видно все, что в нем делается. Однажды запоздалые крестьяне, проходя мимо, увидели меня за моим занятием. Свет, падающий снизу на мою планисферу, причем источник света был от них скрыт, четыре шеста, поддерживающих громадный лист, покрытый какими-то знаками, наконец, блеск оптических стекол, двигавшихся взад и вперед, – все это порождало в них идею о волшебстве. Они крайне перепугались, а мой костюм никак не мог их успокоить. Ночной колпак на голове, дамский ватный капот на плечах (который меня заставила надеть заботливая подруга) должны были окончательно убедить их, что перед ними колдун, а полуночное время внушило им мысль о начале шабаша. Испуганные, они поспешили удалиться и разбудили соседей, передавая им свои ужасные наблюдения. Наутро уже вся окрестность знала, что вчера ночью состоялся шабаш колдунов и ведьм в нашем саду. Не знаю, к чему привели бы эти слухи, если бы один из крестьян, бывших свидетелями моего колдовства, не донес об этом немедленно двум иезуитам, нас посещавшим. Не зная еще, в чем дело, они поспешили успокоить крестьянина. Они рассказали мне эту историю, я им объяснил причину, но все же было решено, что я больше не

буду рисковать и оставлю мое остроумное изобретение, а справляться с небесной картой буду дома...

Таков был мой образ жизни в Шарметтах, когда я не был занят полевыми работами, к которым я всегда чувствовал большую склонность. Насколько позволяли мои слабые силы, я старался делать всю крестьянскую работу. Правда, эти силы были так невелики, что я могу говорить скорее о своих желаниях в этом отношении, нежели об их исполнении».

Эта длинная цитата из «Исповеди» прекрасно рисует тогдашнюю жизнь Руссо. Описание относится к лету 1736 года, но все лета с 1733 по 1739 год были в общих чертах одинаковы. То же упорное самообучение, те же наслаждения природой, то же упоение нежными отношениями с Луизой Варанс. Зимние дни, проводимые в городке, отличались от летних, вакационных, преподаванием музыки и службой в статистическом бюро. Научные занятия, однако, не прекращались и зимой; они только разнообразились в течение этих шести-семи лет счастливой любви Руссо и Варанс. По мере изучения одни предметы заменялись другими, одни авторы следовали за другими. Философия, математика, латинский язык и музыка составляют, однако, постоянное занятие этого слабого здоровьем, но сильного духом человека, сумевшего не только заполнить пробелы неоконченного элементарного обучения, но и приобрести широкое философское и литературное образование. Эти спокойные, трудовые и счастливые годы вооружили нашего мыслителя для его уже приближающейся всемирной деятельности.

Идиллия Шамбери и Шарметт прекратилась весной 1740 года, когда Жан-Жаку было двадцать восемь лет, а его увлекающейся Луизе – сорок. Я уже упомянул, что Руссо разнообразил свою жизнь маленькими путешествиями. Состояние здоровья побудило его и весной 1740 года предпринять путешествие в Безансон с целью посоветоваться с известным врачом. Отсутствие длилось дольше, нежели первоначально предполагалось, а когда Руссо возвратился, он нашел, что в сердце нежной подруги место его занял другой. Верная своим великодушным воззрениям на любовь Варанс предлагала ему остаться на прежнем положении, но Руссо отказался и вскоре переселился в Лион, где имел, как было упомянуто, интеллигентных друзей, уже многого ожидавших от него. С их помощью он скоро устроился домашним учителем к аббату Мабли, старшему брату известного писателя, идеи которого были родственны идеям Руссо. Около года пробыл Жан-Жак в семействе Мабли, заканчивая свое образование и мало-помалу заводя литературные знакомства.

Некоторые литературные опыты, впоследствии напечатанные, были написаны в это время. Тогда же познакомились с ним Кондильяк и Мабли-писатель. Продолжая с увлечением заниматься музыкой, Руссо натолкнулся на идею новой системы обозначения нот. Много и долго работая над этой идеей, ему удалось создать систему, в некоторых отношениях имевшую преимущества перед принятой. Поглощенный своим замыслом, увлекающийся Жан-Жак строил воздушные замки. Надо было отправиться в Париж и представить свое изобретение в Академию. Заработанное у Мабли жалование и вырученные от продажи книг деньги составили тот небольшой капитал, с которым наш двадцатидевятилетний Жан-Жак направился в «столицу мира». Отныне он «утлый свой челнок привяжет к корме большого корабля»!

Это было весной 1741 года. Руссо здесь ставит точку в описании своей молодости и заканчивает первую часть своих «Confessions». Мы дополним, однако, эту главу краткими сведениями о ближайших годах его жизни в Париже, до начала его всемирной литературной деятельности. Прибыв в Париж, Руссо, при помощи своих лионских друзей, сразу вошел в круг высшей интеллигенции и был принят в салоны. Он имел успех, и его нотная система заставляла много говорить о себе. Некоторые его музыкальные пьесы тоже стали известны. Дидро пригласил его участвовать в «Энциклопедии», и Руссо составил несколько статей по музыке, но их, конечно, нельзя было считать его литературным дебютом, как и шуточных комедий, сочиненных им в это время. Академия, однако, рассмотрела его нотную систему. Отзыв был самый лестный, система признана остроумной и удобной, но недостаточной для того, чтобы переучиваться и переучивать весь мир. К тому же опытные музыканты находили, что читать ноты по этой системе труднее. Упования Руссо еще раз не осуществились. Кое-как перебиваясь перепиской нот, музыкой, мелким литературным трудом, Руссо продолжал расширять свои литературные связи. Кроме Дидро, Мабли и Кондильяка, уже упомянутых, Гримм, Д'Аламбер, Гольбах, Гельвеций познакомились с симпатичным, талантливым молодым человеком, покуда еще не определившим своего призвания и упорно стремившимся пробиться в качестве музыканта и композитора. Это не удалось, и Жан-Жак принял в 1743 году предложенную ему должность секретаря французского посольства в Венеции.

Дипломатическая служба продолжалась около года. Руссо выказал недюжинные способности на дипломатическом поприще и заслужил уважение венецианцев и любовь проживавших в Венеции французов. Однако ссора с надменным посланником заставила Руссо вернуться в 1744

году в Париж, где вскоре он получил место у барона Де Франкея, по финансовому ведомству. Он продолжал заниматься музыкой и сочинял мелкие театральные пьески; некоторые из них давались и заслужили успех. Но, конечно, не здесь было призвание их автора, как и не в музыке. В это же время Руссо сблизился с девицей Терезою Левассер, на которой впоследствии женился. В 1750 году вышли его первые политико-философские сочинения. Подготовительный период завершился, и Жан-Жак Руссо решительно и со свойственной ему страстностью посвятил себя делу, которое обессмертило его имя, но ему самому принесло множество огорчений и бедствий.

Глава III. Литературная деятельность

Пробуждение литературного призвания. – Диссертация «О влиянии наук на нравы». – Красота изложения и глубина содержания. – Громадное впечатление. – Poleмика. – Диссертация «О причинах неравенства». – Правда и заблуждения этого замечательного произведения. – Его значение. – Poleмика. – Письмо к Д'Аламберу. – «Новая Элоиза». – Неслыханный успех. – Несравненный авторитет Руссо. – «Общественный договор». – Историческое значение этого последнего параграфа политической философии Руссо. – «Эмиль». – Впечатление на современников. – Гонения. – Другие литературные произведения. – Итоги.

Еще в бытность в Венеции Руссо натолкнулся на мысль написать сочинение о недостатках современной общественной организации. Тирания венецианской олигархии уживалась с республиканской формой правления, как нищета и угнетение французского крестьянина гордыми феодалами – с блеском монархии Бурбонов. Руссо начинал думать, что причина зла лежит глубже этих форм, о которых спорили политики и философы его времени. Сочинения этого Руссо не написал, но задача была осуществлена в трех его важнейших политико-философских трактатах: «О влиянии наук на нравы», «О причинах неравенства» и «Общественный договор». Таким образом, с 1744 года идеи, обесмертившие имя Руссо, уже бродили в его голове. Натура более эмоциональная, нежели интеллектуальная, Руссо нуждался в таком возбуждении его чувств и его фантазии, которое бы отлило в художественные образы его идеи, облекло бы их плотью, трепещущей высоким чувством любви, негодования, самоотвержения... Идеи уже складывались в голове, чувства уже горели в сердце, яблоко уже созрело. Нужно было встряхнуть чудно одаренное дерево, чтобы плоды в изобилии сразу посыпались на землю, давно алчущую этих свежих, еще неизведанных плодов.

Весною 1749 года за выпуск книги «Письма о слепых» Дидро был арестован и брошен в тюрьму. Его просвещенные друзья из аристократии скоро добились смягчения условий его заключения. Дидро был переведен в Венсенский замок, где ему было разрешено принимать знакомых. Руссо один из первых поспешил к заключенному другу и стал часто посещать его. Однажды знойным летним днем шел Руссо из Парижа в Венсен (около двух миль ходьбы по шоссе). Впрочем, предоставим лучше слово самому

Руссо. Пусть он сам расскажет нам эту чудесную историю о пробуждении дремавшего гения. В письме к Мальзербу (от 12 января 1762 года) он описывает этот знаменательный эпизод своей жизни и всемирной литературы следующим образом:

«Я хотел бы нарисовать вам, милостивый государь, эту минуту, составившую эпоху в моей жизни и запечатлевшуюся с неизгладимой силой в моей душе, хотя бы ей предстояло жить и чувствовать вечно. Я шел к Дидро, тогда узнику в Венсене. Я захватил с собою номер „Mercure de France“^[5] и просматривал его дорогой. Глаза мои скользили по столбцам газеты и вдруг остановились на теме, предложенной Дижонской Академией для соискания премии.^[6] Если когда-либо мир видел внезапное наитие, то это было душевное движение, меня охватившее в эту минуту. В моем уме как бы сразу сверкнул свет, все озаривший. Разнообразные идеи, яркие и живые, представились мне вдруг с такой силой и в таком количестве, что смущение и трепет охватили мою душу. Я как бы опьянел от наплыва мысли и чувства. Сердце усиленно билось, сдавливая грудь, стесняя дыхание... Я опустил на траву под деревом у дороги и просидел здесь, охваченный таким волнением, что через полчаса, поднимаясь продолжать путь, я увидел всю переднюю часть моей одежды омоченной слезами, бессознательно лившимися из глаз. О милостивый государь, если бы я был в состоянии перенести на бумагу хотя четверть того, что я увидел, передумал и перечувствовал под этим деревом, с какой ясностью я заставил бы всех понять противоречия нашей общественной организации, с какой силой я выставил бы все беды и неправды наших учреждений, с какой очевидностью и простотой дал бы почувствовать, что человек – по природе доброе и хорошее существо и что единственно его собственные учреждения делают его злым и дурным! Все, что я мог удержать в памяти из этой массы великих истин, озаривших меня в течение четверти часа под этим деревом, я поместил в трех главных моих сочинениях, именно в моей первой диссертации, в диссертации о неравенстве и в книге о воспитании. Эти три работы тесно связаны и вместе составляют одно целое». По природе более художник, нежели мыслитель, Руссо постигал истину более процессом творческого художественного представления, нежели логическим мышлением. Выше набросанная картина снизошедшего на него откровения является прекрасной иллюстрацией тонкохудожественного мышления и могла бы служить чудесным введением в историю многих религий, не Конфуция конечно, но, например, Будды или Магомета. «Мои чувства, – говорит Руссо в своих „Confessions“, – развивались и

возвышались, следуя за идеями. Все мои маленькие страсти исчезли в волнах этого энтузиазма перед истиной, свободой, доблестью». Руссо прибавляет, что этот энтузиазм не покидал его и в течение последующих лет. Так проснулся гений Руссо, обрел свою истинную дорогу и стал отныне фактором всемирной истории. Под памятным деревом на Венсенском шоссе, в знойный летний день 1749 года, карандашом набросал Руссо свои творческие видения. Часть их он обратил в диссертацию о влиянии наук и искусств на нравы. Дижонская Академия увенчала диссертацию премией и выпустила ее в свет. Громадный успех книги, несравненное впечатление, произведенное ею на умы, живая полемика, ею поднятая, только окончательно укрепили Руссо на его новой дороге и только более возбуждали его энтузиазм к открытой им истине. Ее апостолом он оставался всю последующую жизнь, за нее он принял гонения и проклятия, перенес много горя и тяжелых испытаний; ее же он завещал своим пламенным ученикам и последователям. Основной нерв этой истины сжато и точно сформулирован самим Руссо в вышеприведенном отрывке письма к Мальзербу: *люди по природе добры, но людские учреждения делают их злыми*; добродетель – это естественное состояние человека, порок и преступление – это порождение неправых учреждений, принесенных цивилизацией; поэтому первобытное естественное состояние является состоянием справедливым и благим, а цивилизация есть главный источник зла, порока и несчастий. Так резко формулировал свои идеи Руссо уже в первых двух своих значительных работах, в диссертациях «О влиянии наук» и «О причинах неравенства», вышедших в промежутке между 1750 и 1754 годами. Вторая диссертация дополнена целым рядом полемических ответов критикам первой диссертации. Остановимся немного на этой первой диссертации, зарождение которой мы уже наблюдали.

Сущность диссертации можно изложить в следующих немногих строках. Дижонская Академия спрашивает: «Содействовали ли науки и искусства улучшению или порче нравов?» Нельзя найти вопрос уместнее и важнее, ибо с ним связаны судьбы человечества, его счастье, добродетель, достоинство. Если мы обратимся к временам, когда науки и искусства еще не успели повлиять на нравы, что видим мы в этом естественном состоянии? Тогда люди были грубы, но искренни и правдивы. Различия диктовались природой. Теперь же все определяется общественным положением. Столкновение интересов уничтожило первобытную правдивость. Требования общежития все прикрыли лицемерной деликатностью. Люди перестали быть самими собой, стали обманчивы.

Родилось взаимное недоверие, тайная вражда, клевета, разные пороки и преступления. Раствление нравов есть удел цивилизованного общества. Сравнение состояния естественного и состояния цивилизованного (police^[7], как тогда принято было выражаться) обнаруживает, таким образом, контрасты не в пользу последнего.

В чем же причина этой перемены? История обнаруживает постоянную связь между упадком нравов и развитием просвещения. Египет, Греция, Рим призываются автором в свидетели этой связи. «Государства и их законы, – пишет Руссо, – обеспечивают безопасность и благосостояние людей, соединившихся под их властью. Науки же, литература и искусство, менее деспотические, но более могущественные, украшают гирляндами цветов цепи, наложенные на человека; заглушают чувство свободы, для которой он рожден природой; заставляют его любить рабство и создают существа, называемые цивилизованным человеком. Необходимость породила власть; науки и искусства ее утвердили». Китай, где наука так высоко ценится, есть клоака порока. Израиль никогда не знал науки. Спаситель доверил дело свое не ученым, а рыбакам и простолюдинам. «Главный источник зла, – пишет Руссо в ответ польскому королю Станиславу Понятовскому, выступившему с критикой его диссертации, – есть неравенство. Из неравенства возникают богатства... Из богатства рождается роскошь и праздность. Искусства же порождаются роскошью, а науки – праздностью». Таким образом, строго говоря, Руссо считал просвещение фактором производным, как и пороки и порчу нравов. «Вот путь, – говорит он в конце первой части своей диссертации, – сообразно с которым роскошь, разложение нравов и рабство являлись всегда и всюду карой за горделивое стремление выйти из состояния счастливого неведения, в которое нас поставила предвечная мудрость». Эту идею, что основная причина зла – в неравенстве, возникшем между людьми, Руссо повторяет несколько раз в своей диссертации, но сама тема диссертации заставляла его сосредоточиваться на влиянии просвещения, которое он не однажды называл таким же последствием неравенства, как и роскошь, и порча нравов. Отделить, однако, эту взаимную зависимость просвещения и упадка нравов как двух плодов того же процесса дифференциации общества от зависимости, в которой просвещение являлось бы причиной, а упадок – следствием, никогда вполне не удалось Руссо. Понимая ясно, что коренная причина – в дифференциации общества, Руссо всегда отводил весьма большое значение в порче нравов и самому просвещению. И притом значение это он понимал обыкновенно как непосредственное влияние науки и искусства. Иногда, однако, он ясно видел некоторые звенья,

соединяющие оба явления. «Другие, худшие последствия порождают искусства и науки, – пишет Руссо во второй части анализируемой диссертации, – такова роскошь, порожденная, подобно им, праздностью и тщеславием. Роскошь редко развивается без науки и искусств, а искусства и науки никогда не развиваются без нее. Я знал, что наша философия, всегда изобретательная по части оригинальных суждений, утверждает, вопреки опыту всех времен и народов, будто роскошь составляет благо государств. Но, даже пренебрегая осознанной всюду необходимостью законов против роскоши, решится ли кто-нибудь отрицать необходимость нравственности для прочности государств или несовместимость роскоши и нравственности? Пускай роскошь служит мерилom богатства! Пускай даже она содействует его росту! Что же следует из этого парадокса, столь характерного для нашего времени? И что станется с добродетелью, если должно будет искать обогащения какой бы то ни было ценой? Прежде политики говорили о добродетели и нравственности. Ныне они говорят о торговле и богатстве... Если им верить, человек оценивается государством по размерам его потребления. Таким образом сибарит стоит тридцати лакедемонян! Пусть вспомнят, однако, которая из этих двух республик, Сибарис или Спарта, погибла под ударами горсти восставших крестьян, а которая привела в трепет Азию!.. Небольшое племя горцев, ничего не имевших, кроме нескольких бараньих шкур, восстало против власти Австрии и одолело богатую и могущественную фамилию Бургундии (Габсбургов), которая заставляла дрожать перед собой властелинов Европы! Наконец, все могущество наследника Карла V, поддерживаемого всеми сокровищами Индии, разбилось о сопротивление горсти бедных рыбаков, промышлявших селедкой! Пусть наши политики на время оставят свои счета и вычисления, чтобы поразмыслить над этими примерами, и пусть они запомнят раз навсегда, что можно все приобрести при помощи денег, кроме нравственности и граждан». Немного далее Руссо продолжает эту мысль: «Мы имеем физиков, математиков, химиков, астрономов, поэтов, музыкантов, живописцев. Мы не имеем граждан. А если они остались еще, рассеянные по нашим заброшенным деревням, то они там гибнут в нужде и презрении. Потому что именно в нужде, именно в презрении находятся у нас те, кто дает нам хлеб, кто кормит молоком наших детей».

По небольшим цитатам, мною приведенным, можно судить о силе этой страстной критики современного общества. Ничего подобного не было высказываемо до Руссо, и никогда – с такой силой красноречия. Руссо принадлежит к лучшим французским стилистам и притом совершенно

оригинальным. Не тонкий сарказм Вольтера, не академическая речь Монтескье, не вдумчивая логика Дидро пленяли в изложении Руссо, а то, что французы называют *le sublime*^[8]. Это чувство *высокого* проникает всю речь Руссо, облеченную вдобавок всегда в изящную форму, тонко и внимательно обработанную, и возвышенная красота изложения была первой причиной замечательного успеха книги, вышедшей в эпоху утонченного литературного вкуса. Дилетанты литературы восхищались талантом автора; молодое поколение, измученное унижительным упадком Франции при Людовике XV, – упадком внутренним и внешним, – прислушивалось к святой святых откровений пламенного автора. Страстная критика тогдашнего общественного строя была сделана автором во имя прошедшего. Другие сами могли то же повторить во имя будущего. И не в апологии природного состояния, а в протесте против современного состояния скрывалось могучее влияние новых идей на умы. Неравенство, роскошь, рабство выставлялись как бедствия настоящего; равенство, простота, свобода – как блага прошедшего. Руссо не говорил, что они должны стать вместе с тем идеалами будущего. За него досказали это его читатели.

Эскиз, набросанный в диссертации «О влиянии наук на нравы», обращен в картину в диссертации «О причинах неравенства между людьми». Основная идея та же самая, но развита она с большей силой и с большими подробностями. «Я различаю, – говорит Руссо, – два вида неравенства между людьми: *естественное*, или физическое неравенство возраста, здоровья, силы, ума, и другое – *искусственное*, которое можно назвать политическим или моральным, так как оно зависит от своего рода договора или, по меньшей мере, от согласия людей. Это последнее состоит в различных привилегиях, которыми одни люди владеют в ущерб другим; таковы богатство, знатность, власть. Нельзя спрашивать о причине неравенства естественного, потому что ответ заключается в самом определении. Еще менее можно искать взаимную связь между обоими видами неравенства. Потому что это значило бы допускать, что повелевающие всегда достойнее повинующихся или что физическая сила, ум, добродетель и мудрость заключены в людях пропорционально их богатству и их власти?! Такой вопрос рабы могут обсуждать, когда надеются, что господа их услышат. Ему нет места в беседе людей разумных и свободных, ищущих истины». Такой независимый и сильный язык не мог не иметь чарующего влияния на общество, привыкшее к полусловам и осторожным, скорее иносказательным выражениям.

Мы не будем излагать его второй диссертации, но отметим некоторые

идеи, обнаруживающие замечательную философскую проницательность в этом художнике и проповеднике. «Не умножая эти примеры, – говорит Руссо в конце первой части, посвященной исследованию естественного состояния, – мы можем уже с совершенной ясностью видеть, что узлы рабства могут возникнуть только из взаимной зависимости людей, из общих потребностей, их соединяющих, и что, следовательно, невозможно поработить человека иначе, как поставив его в положение, в котором он уже не может обходиться без других». Это замечательно глубокая идея, все значение которой можно оценить только при современном состоянии социологического знания. Мы уже видели, что, приписывая порчу нравов просвещению, Руссо искал причину этого в роскоши и праздности, а причину роскоши и праздности – в неравенстве... Далее он не шел в своем анализе. Только что приведенная цитата делает еще один шаг, ищет причину самого неравенства и находит ее в соединении людей в организованное общество. *Организованность* общества является, таким образом, основной причиной. Руссо несколько раз останавливался на этой мысли, но, по-видимому, сам не оценил всего ее значения. Читатели пошли дальше. Одни отвергли по возможности всякую организацию и постарались в революциях американской и французской освободить общество от всяких форм быта. Другие же нашли необходимым предложить иную организацию. Те и другие исходили из этой идеи Руссо, слишком бегло набросанной, чтобы не породить столь различных толкований и выводов.

В сущности, и во второй диссертации Руссо держится мнения, что основная причина общественных неурядиц заключается в неравенстве. Вся вторая часть диссертации посвящена исследованию постепенного развития неравенства. Она начинается фразой, цитируемой всеми историками литературы: «Тот первый человек, который огородил участок земли и сказал: *это мое поле*, и нашел людей, достаточно недалёковидных, чтобы ему поверить, и был истинным основателем гражданского общества». Теперь мы знаем, что дело было совсем не так, что гражданское общество возникло задолго до частной поземельной собственности и что даже во времена Руссо большинство человечества, жившего уже в гражданском обществе, еще не знало этой собственности. На таких же гипотезах основаны и многие другие его утверждения, при помощи которых он строит историю первых шагов человечества. Важнее этих ошибок и неверных гипотез было то, что не от них логически и морально зависели главнейшие идеи Руссо. Те или другие черты имел первобытный человек, так или иначе возникло неравенство, – это мало влияло на

доказательность идеи о том, что современного человека портят современные учреждения, что равенство и свобода – естественное состояние человека и что во всем общественном строе нельзя найти ничего, что было бы достойно похвалы или сохранения. Для современного Жан-Жаку человечества это было важнейшее. Для потомства же остался серьезным завещанием ряд блестящих сопоставлений различных факторов общественной жизни, в том числе исследование связи между цивилизацией общества и вырождением человека.

Диссертации и полемика, ими возбужденная, заняли около семи лет литературной деятельности. Развивая по частям идеи, в целом выраженные в уже разобранных нами двух диссертациях, Руссо в это время издал еще две: «О доблестях, необходимых герою» и «О политической экономии». Отбиваясь от многочисленных нападков, посыпавшихся на него со всех сторон от защитников просвещения, он издал ответы Рейналю (редактору газеты «Mercure de France»), аббату Готье, польскому королю Станиславу Понятовскому, анонимному академику и многим другим. Если принять во внимание, что эти литературные работы не давали автору средств к жизни, что Руссо, ради независимости и последовательности, отказался от службы и что для содержания себя и семьи он добывал средства перепиской нот, отнимавшей у него массу времени, то нельзя не признать этот первый период его литературной деятельности плодовитым в высшей степени. Ближайшие затем годы были еще плодовитее.

Открытое письмо к Д'Аламберу о театральных представлениях стало новым значительным шагом в литературной карьере Руссо. Это искусное полемическое произведение было направлено против проекта устроить театр в Женеве, где строгие правила кальвинизма не разрешали этого излюбленного развлечения европейского праздного общества. Руссо восстал против нововведения в его родном городе. Нападение его было косвенно направлено против Вольтера, который входил в число сторонников нового проекта (в это время он уже поселился около Женевы) и который считался современниками величайшим драматургом. Он сам склонен был разделять подобное мнение и страстное обличение театра не мог не принять чуть ли не за личное оскорбление. Это был смелый вызов господствующей страсти образованного общества и самым влиятельным и авторитетным его представителям и руководителям. К тому же к новому красноречивому обличению язв цивилизации нельзя было применить знаменитого сарказма Вольтера по поводу диссертации «О причинах неравенства». «Никогда не было потрачено столько искусства, – писал Вольтер, – на то, чтобы нас всех сделать дураками. Прочитав это

сочинение, хочется ходить на четвереньках. Но так как я утратил эту привычку более 60 лет тому назад, то...» и так далее. Отделаться этим остроумием было теперь невозможно. Рядом с испорченностью цивилизованной жизни Руссо рисовал обаятельную картину строгих и простых нравов республиканской демократии. Эти страницы воспламеняли не одно поколение республиканцев Америки, Франции и других стран Западной Европы. «Уж не поступил ли Жан-Жак в отцы церкви?» – спрашивал Вольтер по поводу его нового произведения. Церковь осуждала театр, но ее прелаты еще более осуждали Руссо. «Он нашел несколько старых досок Диогеновой бочки, – прибавлял взбешенный философ-драматург, – и в них устроился, чтобы лаять на своих бывших единомышленников». В другом месте Вольтер негодует на Руссо за то, что тот «задумал образовать свою собственную партию». Он ее и успел образовать. Популярность его росла с поразительной быстротой. Выход «Новой Элоизы» доставил ему положительно славу, а выход «Эмиля» прибавил ту власть над умами современников, о которой с таким удивлением нам рассказывают Юм, Гримм и другие иностранцы, посетившие Францию в эту эпоху.

Сюжет «Новой Элоизы» прост и несложен; содержание же глубоко и многосторонне. До сих пор в своих работах Руссо не касался вопроса любви и брака. Это был крупный пробел. Новый роман должен был его заполнить. Контраст между благом и счастьем естественного и простого чувства, связывающего мужчину и женщину в счастливую семью, и теми горестями, несчастьями и преступлениями, которые несет с собой это же самое благое и светлое чувство, скованное условностями цивилизованного быта, составляет основную тему романа. Сен-Пре, образованный, во всех отношениях благородный молодой человек, но бедный и незнатный, дает уроки Юлии, знатной и богатой девушке, которую увлекающийся автор наделяет всеми возможными достоинствами. Молодые люди полюбили друг друга. Постепенному зарождению, развитию и наконец обнаружению этого чувства посвящена первая часть романа. Самой высокой поэзией окружает Руссо это чистое и светлое чувство, и читатель, кажется, увлекается героями вместе с автором. Но воля отца Юлии, гордого и знатного аристократа, становится помехой счастью героя. Отец по-своему честный и благородный человек, но положение его таково, что он не может погубить свою любимую дочь согласием на неравный брак. Сен-Пре удаляется и ищет забвения в кругосветном путешествии. Юлия выходит замуж за Вольмара, по знатности и состоянию достойного ее руки. Вольмар ее горячо любит и является во всех отношениях рыцарем без страха и

упрека. Любовь и благородство мужа, затем дети, наконец, природа и деревня несколько примиряют молодую женщину с ее участью. Проходят, однако, годы, и Сен-Пре возвращается. Вольмар сам вводит его в свой дом. Юлия и Сен-Пре сначала пытаются основать свои отношения на близкой дружбе, но никогда не умиравшее чувство просыпается с новой силой. Целый ряд драматических положений приводит Юлию к решимости принести в жертву единственному истинному чувству ее жизни свою семью, но в последнюю минуту, наоборот, она семье приносит в жертву свое чувство... ценой, однако, жизни. Она умирает с растерзанным и разбитым сердцем, делая несчастными всех близких и любимых людей, любимого человека, детей, мужа... Все действующие лица – честные, добрые, благородные люди. Все искренно любят и уважают друг друга. Все исполнены наилучших намерений и поступают под влиянием наилучших побуждений. И, однако, эти общие усилия любви и благородства приносят горе и несчастье, чуть-чуть не приносят позора и преступления! Причина – в условиях цивилизованного быта, извращающего и искажающего естественное развитие простого и чистого чувства. Такова основная идея «Новой Элоизы», явившаяся новым красноречивым параграфом общественной философии Руссо. «Новая Элоиза» уже не могла быть напечатана во Франции. Контраст достойной и скромной жизни свободных швейцарцев с ужасами тогдашней сельской жизни во Франции был слишком ярко изображен в романе и слишком волновал сердца читателей. С другой стороны, Руссо вложил в уста Юлии фразу: «Я скорее соглашусь быть женой чернорабочего, нежели любовницей короля». Это было очень добродетельно, но французские короли всегда имели могущественных и влиятельных любовниц. Роман, напечатанный в Амстердаме, был прочитан всей грамотной Францией и произвел громадное впечатление. По выходе он был расхвачан мгновенно. За оставшиеся экземпляры книгопродавцы взимали плату по часам. Одна аристократка, начав перелистывать роман в то время, когда уже совсем готовая – собиралась ехать на бал, все откладывала отъезд, пока не пропустила все сроки, и дочитала роман в постели. Дамы писали письма автору, увлекались им, не зная его; искали свидания. Ничего подобного этому увлечению не знала французская литература. Злобные сарказмы Вольтера и вольтерьянцев только резче оттеняли это увлечение, доводя его до степени энтузиазма. Надо вспомнить, какова была беллетристическая литература того времени, чтобы понять этот энтузиазм. Оставляя в стороне устарелые и надоевшие полусказочные рыцарские романы, тогдашняя литература предлагала или скучные нравоучительные, или грязно-эротические, или изящные,

проникнутые скептицизмом, блестящие умом, но мало говорящие сердцу произведения. В числе последних были истинные шедевры, вроде вольтеровского «Кандида». Они отвечали и умственной жажде, и эстетическому вкусу образованного общества. Они не отвечали потребности верить в добро и правду, потребности деятельной любви. Роман Руссо отвечал этим потребностям. Он обличал зло цивилизации, но он с пламенным красноречием говорил о любви, доблести, патриотизме, долге, самоотвержении – об этих забытых или осмеянных понятиях. Он проложил себе дорогу прямо к сердцу всех лучших людей своего времени и оставил по себе чарующее впечатление. Ни одно произведение ни одного современного автора не имело такого значения и влияния. Только «Эмиль» того же Руссо превзошел «Новую Элоизу» в этом отношении. Раньше «Эмиля», однако, Руссо выпустил «Общественный договор», менее взволновавший современников, но сильнее всего отразившийся на идеях и жизни многих последующих поколений.

«Общественный договор» заключает в себе теорию происхождения и развития гражданского общества. Метафизическое построение это и тогда подвергалось критике. Теперь же, конечно, от него не осталось бы и камня на камне, если бы все значение этой небольшой, но могущественной книги исчерпывалось теорией, попыткой объяснить историю гражданского общества. Она заключает, однако, также попытку обосновать начала гражданского общества, его идеалы, его правовые принципы. «Люди рождаются свободными, равными и непорочными» – это основная идея книги. Свобода и равенство являются «естественным состоянием» человека, но потому-то они представляются и его «естественным правом». Нет никаких иных прав, и справедливость заключается в признании только этого естественного права, в отмене всяких других исторических прав, зафиксированных в хартиях, пергаментях, обычаях, и в допущении только таких ограничений естественного права, на которые в общих интересах согласились сами члены гражданского общества. Это и есть общественный договор между ними, представляющий собой единственную санкцию всех гражданских учреждений и установлений. *Souveraineté du peuple*, верховное право народа явилось, таким образом, столь же логическим и неизбежным выводом из книги Руссо, как и неотчуждаемые права человека на свободу и равенство. Сам Руссо не довел до конца свои выводы и не прикладывал их к современному государству. Впоследствии за него это сделали деятели американской и французской революций и западноевропейские демократы XIX века. Современники, как уже упомянуто, уделили мало внимания сухому резюме политической

философии Руссо. В Париже, в Берне, в Невшателе, в Гааге жгли «Эмиля» как преступное и злонамеренное сочинение, не удостоивая этой чести «Общественный договор». Только родная Женева сожгла рукой палача «Общественный договор» вместе с «Эмилем», но последователей своему усердию не нашла. Слепая и ярая ненависть врагов Руссо направлялась более против этого последнего произведения. Им же было увлечено до энтузиазма все современное просвещенное человечество. «Люди рождаются свободными, равными и непорочными» – это основное положение «Общественного договора» является и исходным принципом «Эмиля». Только в первом сочинении автор больше обращает внимание на первые два члена формулы, а в «Эмиле» – на третий. Свобода и равенство людей занимают автора «Общественного договора»; природная непорочность, естественная добродетель человека обращают на себя преимущественное внимание автора «Эмиля». На этом построена вся система воспитания, предлагаемая книгой; отсюда же и страстная критика всех тех установлений, методов воспитания, программ образования, которые постепенно, но верно превращают естественно добродетельного ребенка в порочного и злого человека. Католическая и протестантская церковь были одинаково глубоко задеты этой критикой. Современное государство усмотрело в ней посягательство на основы семьи и гражданского общества. Философы с ужасом увидели неотразимое обаяние этой еретической книги, не признающей благодетельности их образования. Трогательное единодушие установилось между вчерашними врагами, духовной и светской властью, философами и реакционерами, республиками и монархиями, Бурбонами и Габсбургами. Всюду книга сжигалась рукой палача и всюду она получала дотоле невиданное распространение. Отовсюду должен был спасаться ее автор, и отовсюду, гонимый и преследуемый, он получал знаки неопишемого поклонения. Принцы и короли обращались за указаниями проклинаемого мыслителя в вопросах воспитания согласно «Эмилю», сжигаемому в их же владениях рукой палача!

Временно Руссо сумел основаться в Невшателе и, находясь там, обнаружил два самых главных полемических сочинения: «Письма с горы», более направленные против протестантов и философов, и «Открытое письмо к архиепископу парижскому», имеющее дело с католической церковью. Здесь же, в Невшателе, Руссо составил конституцию для Корсики, освободившейся было от генуэзского владычества, но скоро проданной генуэзцами Франции и завоеванной французами. Из Невшателя же была выпущена в свет поэма в прозе «Левит

с горы Ефремовой», написанная на известную библейскую тему о преступлениях Вениаминова колена и его истреблении коалицией других племен. Противопоставление добродетельной сельской жизни колен Иуды и Ефрема растленной городской жизни Вениаминова колена, уже несколько вкусившего от плодов филистимлянской цивилизации, является и здесь идеей произведения. Уже упомянутые «Письма с горы» вызвали новые гонения. Принужденный бежать из Невшателя Руссо напрасно ищет убежища в Бернском кантоне, откуда его вторично изгоняют. Отныне Швейцария для него закрыта. Он пробирается в Англию, где начинает свое последнее большое сочинение – «Исповедь». Оканчивает его он в Париже, куда переселяется инкогнито. Одно из самых поэтических и талантливых произведений Руссо, «Исповедь», особенно вторая ее половина, носит на себе следы той душевной болезни, которая омрачала последние годы великого мыслителя. «Прогулки» и «Жан-Жак перед судом» являются продолжением и дополнением «Исповеди» и хронологически последними его сочинениями. Если упомянуть еще о комментариях к изданному под его редакцией «Проекту вечного мира» Де Сен-Пьера и о его наставлениях полякам по поводу замышлявшейся реформы польской конституции, то мы перечислим все имеющее значение в литературном творчестве Жан-Жака. Творчество это не очень обширно по числу томов, но мало писателей, оставивших такой глубокий и неизгладимый след во всемирной литературе и в истории человечества.

Глава IV. Последний период жизни Руссо

Женитьба. – Семья и дети. – Изменение образа жизни. – Независимость. – Эрмитаж. – Разрыв с друзьями. – Монморанси. – Бегство и гонения. – Невшатель. – Англия. – Душевная болезнь. – Последние годы. – Смерть. – Общая характеристика. – Заключение.

Историю личной жизни Руссо мы оставили выше (глава II) приблизительно около 1750 года, – времени появления его первой диссертации и начала его всемирно-исторического поприща. Краткое обозрение деятельности Жан-Жака на этом поприще дано в главе III, а теперь возвратимся к его жизни. Я уже упомянул о его женитьбе на Терезе Левассер. Это была девушка-простолюдинка, без всякого образования и очень посредственного ума, но с кротким и привязчивым сердцем. По ремеслу прачка, молодая и красивая девушка нередко становилась предметом разных нескромных и оскорбительных шуток и выходок. Заступничество за нее со стороны Руссо отдало ему ее сердце, а затем и ее самое. Впоследствии, как уже упомянуто, Руссо женился на Терезе. Она не была его Ксантиппой, не отравляла своей и не портила его жизни, но за нее это охотно делали ее родные – отец, брат и особенно мать, поселившаяся вместе с дочерью у Руссо и причинявшая много напрасных огорчений своему и без того мнительному и многострадальному зятю. Сама Тереза тоже легко поддавалась влиянию матери и вовсе не могла войти в круг идей и чувств своего мужа. Подругой его она никогда не была и не могла быть. Эта семья принесла Жан-Жаку более полное одиночество, нежели самая одинокая холостая жизнь. По словам Руссо, Тереза пять раз имела детей, но все они будто бы были отданы в воспитательный дом. Руссо об этом сам говорит в своей «Исповеди», но в той ее части, которая писана уже во время несомненной душевной болезни и заключает в себе довольно фантастические рассказы. Последнее обстоятельство возбудило сомнение в достоверности и этого самообличительного показания. По крайней мере, герцогиня Люксембургская по просьбе Руссо с большим старанием разыскивала его детей, но никаких их следов не нашла. Существовало также мнение, что у Терезы могли быть дети, но что ее поведение едва ли позволяет приписывать их Жан-Жаку. Вопрос этот до сих пор не разъяснен, и самому темному пятну на памяти Руссо суждено остаться «в сильном подозрении»... Этими немногими замечаниями мы и ограничимся по отношению к довольно безрадостной и неудачной семейной жизни Жан-

Жака.

В 1750 году мы оставили Руссо на службе по финансовому ведомству, под начальством барона Де Франкея. Барон очень ценил его и предложил значительное повышение, именно должность казначея в Париже, но как раз в это время в жизни Руссо произошел знаменательный перелом, и, вместо повышения, Руссо совершенно оставляет службу. Его общественно-философские и моральные идеи, сложившись окончательно, нашли первое яркое выражение в диссертации «О влиянии наук на нравы» и наполнили душу и сердце мыслителя энтузиазмом по отношению к открытой им истине. Эта истина осуждала и порицала современные учреждения, видела в них источник зла и неправды, заставляла испытывать к ним вражду: как же мог после этого Руссо служить в этих учреждениях? Эта истина осуждала также современное общество с его цивилизацией, неравенствами, удовольствиями, нравами и обычаями: как же мог Руссо продолжать жить жизнью этого общества? Всегда энтузиаст в своих чувствах, всегда последовательный в своих идеях, всегда малорасчетливый в своих поступках, Руссо решил устроить жизнь сообразно своим убеждениям. Он оставил службу, содержал себя перепиской нот и удалился из светского круга. Он снял нарядные костюмы того времени и оделся в серую пару грубого сукна. Немногие друзья составляли его общество. Всякие попытки покровительства и помощи со стороны его аристократических почитателей были отклоняемы им иногда даже с чрезмерной щепетильностью (например даже такие любезности, как присылка в подарок дичи или фруктов). Это поведение производило большое впечатление и, в связи с постоянно возрастающим успехом его сочинений, делало Руссо героем Парижа. «Бросьте вашу переписку нот, – говорил ему Гримм, – и продавайте лимонад: весь Париж прибежит покупать у вас, и вы станете богачом». Дидро со своей стороны не одобрял этого «опрощения» Руссо (как теперь назвали бы его поведение) и старался его уговорить «жить, как люди живут». Вольтер писал о Диогеновой бочке, поломанные клепки которой Жан-Жак облюбовал для себя. Но эти сарказмы философов так же мало трогали его, как и неудовольствия Терезы и ее матери или соблазны светского общества. Искренний и доводящий свои заключения до последнего слова, Руссо этим резко отличается от новейших апологетов «опрощения». Он действительно отказался и от хорошего материального положения, и от комфорта, и от всякого обеспечения, кроме скудного заработка перепиской нот. Литературные труды сначала ему ничего не давали. Доходы с них его поддерживали несколько лишь впоследствии, в эпоху гонений и невольных скитаний по белу свету. В этих условиях в

Париже прожил Руссо около пяти лет, до весны 1756 года, издав в это время обе знаменитые диссертации свои, ряд полемических ответов и две другие диссертации («О доблестях, необходимых герою» и «О политической экономии») и упрочив свою широкую известность в качестве выдающегося мыслителя, соперника самого Вольтера. Из этого периода жизни Руссо следует еще отметить его поездку в Женеву в 1754 году, где он был принят снова в число последователей реформатской церкви и восстановлен в правах женевского гражданина. Вышедшая в следующем году диссертация его «О причинах неравенства» была посвящена родному городу, правительство которого письменно благодарило за это своего великого соотечественника.

Общий обзор этого мирного и плодотворного периода жизни и деятельности Руссо рисует перед нами фигуру человека, время которого занято уединенными трудами, душа полна преданностью великим идеям, плодам собственного творческого гения, а личность окружена обаянием искренности и бескорыстия, заслуженно пользуясь общей любовью и уважением. Но и теперь на этом светлом фоне нетрудно разглядеть темные узоры, странные и болезненные. Отказ от обеспеченного изрядного дохода и уже привычного комфорта – это светлый фон, но нелепости в исполнении этого шага, сопряженные даже с обидой его искренних доброжелателей, конечно, не вызывались его идеями и скорее противоречат, нежели отвечают его благородной решимости... Удаление из общества еще в большей степени обставлено поступками, которые можно было считать тогда за чудачество, но которые впоследствии, в свете его дальнейшей душевной жизни, можно признать проявлениями невропатической наследственности, замеченной нами в детстве и отрочестве Руссо и позже развившейся в подлинную душевную болезнь. Идея преследования тоже уже стала сказываться. Правда, его друзья-философы начали в это время свой поход против еретика, но покуда довольно осторожно, и сам Руссо еще боролся довольно успешно с одолевавшими его подозрениями. Он имел, впрочем, и искренних друзей. В числе их была одна красивая аристократка, Д'Эпине. Она уговорила Жан-Жака весной 1756 года поселиться в уединенном маленьком коттедже в лесу, в ее имение под Парижем. Эта простая лачужка, которая своим местоположением однажды во время прогулки очень понравилась Руссо, была отремонтирована, отделана в простом вкусе Жан-Жака и предложена ему с дружеской искренностью. «Мой милый медведь, – сказала ему Д'Эпине, приведя его к хижине, названной „Эрмитажем“, – вот ваш скит». Руссо согласился и 9 апреля 1756 года переселился в Эрмитаж, где прожил полтора года. Этот

относительно короткий период в жизни Руссо богат, однако, фактами и внешней, и внутренней жизни. Почки уже распускались на деревьях, цвели в рощах примулы и фиалки и соловей пел свою первую весеннюю песню, когда Жан-Жак с Терезой и старухой Левассер впервые въехал в свой скит. Мы знаем, какое наслаждение испытывал Руссо в объятиях природы. Он сам говорит, что в Эрмитаже, после долгого пребывания в городе, он воскрес душой, снова почувствовал счастье и радости жизни. Это новое свидание, это страстное сожительство его души с природой наполняло такими радостями его жизнь, что спустя многие годы отозвалось в его «Confessions» чудными страницами, яркими картинами, обаятельными образами и впечатлениями. Здесь, на этих уединенных прогулках, настраиваемый сердечным общением с природой, Руссо мечтал о любви и счастье, создавал яркие образы и картины, переживал фантастическую жизнь героев и героинь своего воображения и постепенно, среди этих творческих видений, вынашивал художественную концепцию «Новой Элоизы» и «Эмиля». Написаны были эти произведения впоследствии, но здесь, в Эрмитаже, сложились идеи и возникли основные образы.

Любил, волновался и страдал в это время Руссо не только за героев своего воображения. Он и сам пережил серьезную страсть. Молодая графиня Д'Удето, кузина и невестка m-me Д'Эпине, была героиней последней любви Жан-Жака. Более нежели скудная семейная жизнь, раздоры с друзьями, чувствительный и сумасбродный характер – все соединилось, чтобы создать потребность в любви и ласке. Отзывчивое, доброе сердце молодой аристократки, ее ласковое к нему внимание, а быть может, и несколько неосторожное кокетливое поощрение светской женщины решило выбор, и Руссо отдался своей неразделенной страсти с силой и настойчивостью, каких не знало его чувство до того времени. Графиню считали не из красивых. Веснушки, маленький лоб, неправильный нос, круглые глаза – так описывают ее наружность современники. Но она была молода, с чудесными черными косами, прелестно сложена, веселое подвижное лицо, симпатичный живой характер, ласкова и мила в обращении, остроумна и находчива в беседе, грациозная танцовка, порядочная музыкантша, литературно образованна, даже сама немного поэтесса. Если к этому прибавить, что все отзывы рисуют ее как человека, который ни о ком никогда не говорил дурного, и как друга, всегда верного своему чувству и своему слову, то неудивительно, если выбор Руссо остановился на этой милой женщине. Отданная замуж очень молодою за сильно пожилого графа Д'Удето, она вдобавок скоро имела несчастье убедиться, что муж продолжает свои авантюры и не может

ручаться за верность молодой супруге. Огорченная и обиженная, она отдала от себя пожилого грешника. Молодой, блестящий аристократ-писатель маркиз Сен-Ламбер заслужил ее сердечную привязанность. Она его приблизила к себе и всю свою жизнь осталась верна этой любви. Сен-Ламбер был в хороших отношениях с Руссо и познакомил его и с графиней Д'Удето. После отъезда Сен-Ламбера на войну графиня продолжала знакомство. Это и было время, когда Руссо поселился в Эрмитаже, во владениях ее кухни и приятельницы Д'Эпине. Она сама первая навестила его в его уединенном «скиту». Это было вечером. Экипаж она оставила довольно далеко и пришла пешком одна, раскрасневшаяся, оживленная, непринужденная, и наполнила смехом и весельем его одиночество. Вскоре она опять приехала к нему верхом, в мужском платье, с обычной милой искренностью отдаваясь новой дружеской привязанности, которую она, несомненно, питала к Руссо. На этот раз графиня не была так весела и оживлена, зато была сердечна и откровенна. Она много говорила о своей жизни, о муже, о Сен-Ламбере, о своих мыслях и чувствах и, уезжая, оставила бедного Жан-Жака окончательно покоренного ее образом. Сама же она носила в сердце образ отсутствующего Сен-Ламбера. Это отсутствие и заставляло ее искать дружеского участия. Не такое участие нашла она у Руссо. Уже в третье свидание он не выдержал и признался своей собеседнице в собственной слабости. Она дружески отклонила любовь, но не прервала свиданий. Напротив, Жан-Жак сделался постоянным гостем ее загородного замка, проводил там целые дни, увлекал ее на уединенные продолжительные прогулки и томился все разгорающейся страстью. То старался он пробудить в ней чувство долга к мужу и прекратить всякие посторонние отношения, то, напротив, умолял ее ответить на его страсть. Однажды, когда, упав к ее ногам и обливая слезами ее колени, он в страстных выражениях изливал перед нею свои чувства, молодая женщина была глубоко растрогана. Она расплакалась и обняла своего обожателя. «Никогда ни один мужчина не любил лучше и нежнее», – воскликнула она. Опьяненный этой лаской Жан-Жак уже держал в объятиях свою любимую Софи, когда неожиданно раздавшаяся за стеною сада брань извозчика заставила ее опомниться от охватившего ее чувства и спасла от измены Сен-Ламберу. Она нежно отстранилась от Руссо и напомнила ему их долг перед отсутствующим ее возлюбленным, а его другом.

Страсть эта совершенно поглотила Руссо и скоро стала в обществе басней. Сен-Ламбер получил анонимное письмо. Графиня должна была совершенно отдалить от себя неосторожного поклонника. Ей удалось

наружно помирить с ним самого Сен-Ламбера, когда тот вернулся из армии. Они вместе даже обедали у Руссо. На прощание она его поцеловала, но затем, ввиду несомненно непрекращающейся его страсти, всякое дальнейшее знакомство между ними было прекращено. Они больше не виделись, но графиня Д'Удето, много пережившая и Сен-Ламбера, и Руссо и умершая уже в эпоху Реставрации, сохраняла всегда нежную дружескую память о своем поклоннике, и правдивые, искренние отзывы и показания этого прекрасного, сердечного человека сняли немало наслоений клеветы и сплетен, которыми враги мыслителя постарались очернить его память. Жан-Жаку было сорок четыре года, когда он пережил этот последний роман своей жизни и когда эта поздняя страсть отдалила от него лучшего и вернейшего друга. Наступало между тем время, когда он будет нуждаться в надежных друзьях. Он их найдет, но между ними уже не окажется наиболее преданного – нежной и ласковой Софи Д'Удето.

В это же лето у Руссо произошел разрыв и с Д'Эпине. Влияние Гримма и Дидро было главной тому причиной, но все чаще и ярче проявлявшаяся невропатическая наследственность его создала благоприятную для того почву. Рано вышедшая замуж, красивая, с сильным характером и блестящим умом, Д'Эпине, подобно своей кухне, нашла в браке полное разочарование. Муж ее оказался не только беспутным кутилой, но и распутным, безнравственным человеком. Имея молодую, красивую жену, он продолжал содержать нескольких любовниц, продолжал участвовать в разных распутных похождениях «золотой» молодежи. До жены это дошло не сейчас, а тогда только, когда бессовестный супруг успел уже наградить ее постыдной болезнью. Оправившись от этого жестокого и незаслуженного удара судьбы, молодая женщина, конечно, навсегда отдалила от себя развратного мужа, стараясь создать свою, особую жизнь в кругу друзей и среди удовольствий умственного общения с выдающимися людьми того времени. Дидро, Гримм, Руссо скоро стали близкими ее друзьями. Гримм заслужил даже с ее стороны более нежное чувство. Давно враждебно настроенный по отношению к Руссо, а может быть, недовольный и слишком сердечным вниманием, которое ему оказывала его нежная подруга, Гримм с первых дней жизни Жан-Жака в Эрмитаже настраивал Д'Эпине против ее гостя. Но с самостоятельным характером, искренно расположенная к Руссо, она долго не поддавалась этому влиянию, даже когда к нему присоединилось и влияние Дидро. Несчастный роман Жан-Жака с ее кухней и развязка его, при посредстве анонимного письма к Сен-Ламберу, были причиной разрыва. Руссо заподозрил в этом извете Д'Эпине и написал ей резкое и несправедливое письмо, на которое получил

ласковый, но строгий ответ. Она протестовала против постыдного обвинения и указывала, что Руссо заслуживал бы за него совершенного исключения из ее дружбы, но что она позволяет ему прийти к ней, чтобы получить прощение. Тронутый этим письмом Руссо поспешил к своему другу, и, вопреки протестам Гримма, примирение на этот раз состоялось. Вскоре Д'Эпине собралась съездить в Женеву за советом к знаменитому тогда врачу Троншену, другу Руссо. Она предложила Жан-Жаку сопровождать ее. Он, однако, заподозрил какие-то новые козни Гримма. Вмешательство Дидро для улаживания недоразумений открыло Д'Эпине, что свое недостойное подозрение по поводу письма к Сен-Ламберу Руссо сообщил не только ей, но и Дидро. Возмущенная этим открытием, она решительно порвала всякие отношения с Руссо. Отношения Руссо с Гриммом порвались, конечно, одновременно; так же, как и с Дидро. Эта личная ссора, впрочем, только закрепила уже явный литературный разрыв между двумя философами, но разрыв с таким другом, как Д'Эпине, был серьезной и трудновосполнимой потерей для Руссо. Эта дама оказалась далеко не столь великодушной и справедливой, как ее кузина. Д'Эпине оставила мемуары, в которых не пощадила своего бывшего друга. Историческая критика обнаружила при этом, что показания злопамятной красавицы не всегда отличались правдивостью. Таким образом, в сравнительно короткое время Руссо порвал отношения со всем тем дружеским кругом, в котором вращался в течение последних десяти лет. Д'Удето и Д'Эпине, Сен-Ламбер, Дидро и Гримм были им потеряны, и совершенно одинокий, оскорбленный, вместе с озлобленными женщинами своей семьи он 15 декабря 1757 года оставил Эрмитаж, куда еще так недавно переезжал с такими радужными мечтами!

Из Эрмитажа Руссо переселился в соседнюю деревушку, принадлежавшую поместью Монморанси, в простую сельскую лачужку, достаточно тесную, чтобы отослать старуху Левассер в Париж. Здесь, в этой хижине, прожил Руссо около полутора лет и здесь написал свое знаменитое открытое письмо Д'Аламберу, этот явный вызов Вольтеру и философам. Сочинение имело громадный успех и произвело сенсацию. Увлечение читателей и озлобление философов могло служить некоторым утешением болезненному мыслителю, проводившему в одиночестве свои дни в лачужке, где одна горенка служила и кухней, и столовой, и спальней, и кабинетом. Тереза была единственным обществом, сельская природа – единственной радостью. Летом 1759 года завязываются, однако, у Руссо новые отношения, имевшие большое значение для последующей его жизни. Совершенно неожиданно для себя и для своих прежних отречшихся

от него друзей он входит в это время в круг самой высшей и могущественной аристократии. Поместье Монморанси принадлежало тогда герцогу Люксембургскому, который в 1759 году приехал в замок Монморанси провести лето. Маршал Франции, пэр королевства, приближенный короля, родственник королевского дома, один из первых вельмож и сановников, герцог Люксембургский принадлежал к числу самых просвещенных и гуманных людей своего времени. Почитатель литературного таланта Руссо, он сделал ему визит в его хижине весной 1759 года, как только прибыл в Монморанси. Руссо ему отдал визит, а радушная любезность герцогини сделала его вскоре обычным посетителем соседнего замка. Герцогиня обласкала даже Терезу, тогда еще невенчанную подругу Жан-Жака. С ним же она держала себя так просто, непринужденно и вместе с тем ласково, что успела вскоре рассеять в его душе все предубеждения против дружбы с этими знатнейшими аристократами королевства. Руссо презирает их титулы, привилегии и богатства, но не может отказать в уважении их личным достоинствам. Он им читал отрывки из своих сочинений, из «Новой Элоизы» и «Эмиля», и эта дружеская связь крепла и развивалась. Руссо наконец принял предложение герцогини переехать в один из павильонов замка, где он жил совершенно самостоятельно, посещая замок когда вздумается, знакомясь или не знакомясь с герцогскими гостями, предаваясь литературным трудам и отдыхая на прогулках. «Новая Элоиза», «Общественный договор» и «Эмиль» написаны в этом павильоне замка Монморанси. Отсюда же они были выпущены в свет, взволновали мир и заставили автора искать спасения в бегстве. Здесь же Руссо нашел новых друзей. Кроме герцога и герцогини Люксембургских, в их числе надо назвать принца крови Конти и Мальзерба. «Руссо покинул прежних друзей, – язвил Гримм, – чтобы войти в придворные сферы». Действительно, только нежелание самого Руссо явилось причиной того, что он не был представлен королю, и что ему не была назначена королевская пенсия за литературные заслуги. Он строго оберегал свою независимость и был вдвойне прав. Он готовил произведения, за которые король затруднился бы назначить пенсию. В феврале 1761 года была выпущена «Новая Элоиза». Я уже упоминал о колоссальном, невиданном успехе этой книги. Она внесла новую струю в личную жизнь ее автора. Графиня Де Бло недаром заметила, что «чувствительная женщина, прочитавшая „Новую Элоизу“, ни в чем не могла бы отказать ее автору». Действительно, многие дамы заочно влюблялись в Руссо, вступали с ним в переписку, рисовали его в своем воображении в виде Сен-Пре, а себя – в виде Юлии, и этими запоздалыми

знаками женской любви и ласки приносили одинокому больному автору больше затруднений, нежели радости. Особенно одна молодая аристократка, Де ла Тур де Франкевиль, страстно увлеклась автором «Новой Элоизы». Чувство этой романтической женщины с верным и преданным сердцем пережило все испытания: суровость его ответов, семейные неприятности дома, обвинения и клеветы, сыпавшиеся на его голову. Она видела его всего три раза в жизни, озлобленного, почти с нею грубого, разбитого жизнью и годами, больного физически и душевно. Это не ослабило ее чувства, и она пронесла его до могилы, оставаясь всегда самой пламенной и верной защитницей престарелого, душевнобольного философа. Такое чувство раньше могло бы составить счастье всей жизни Жан-Жака, но безжалостная судьба улыбнулась ему, когда было уже слишком поздно.

В начале 1762 года вышел «Общественный договор», а весной того же года – и «Эмиль». Друзья Руссо, ознакомившиеся в рукописи и в корректурах с наиболее выдающимися страницами этого последнего произведения, советовали снять имя автора с книги. Тогда автор мог бы спокойно посмеиваться над торжественным осуждением книги и с улыбкой торжества смотреть, как палач будет жечь ее на площади. Это не остановило бы ее распространения, а только помогло. Так поступал нередко сам Вольтер. Однако Руссо наотрез отказался от совета, заявив, что, выступая с горячими и беспощадными обличениями существующего строя и его деятелей, он считал бы бесчестным прятаться от обличаемых. Пусть они знают, с кем имеют дело. Он не боится их критики и злобы. Он сумеет защищать свои идеи с поднятым забралом. Если же его противники прибегнут к нелитературным и нефилософским орудиям борьбы, то тем хуже для них: они этим сами осудят защищаемые ими идеи и установления. Противники действительно не побоялись этого самоосуждения; книга была конфискована и предана суду парижского парламента, который присудил ее к сожжению рукой палача, а дерзкого автора приказал бросить в тюрьму за нападение на религию и нравственность. Принц Конти, успевший вовремя проведать о состоявшемся приговоре, дал немедленно о том знать в Монморанси герцогине Люксембургской, которая ночью подняла с постели уже спавшего Руссо, чтобы успеть снарядить его к бегству. 10 июня 1762 года, в четыре часа дня, Жан-Жак оставил гостеприимный кров замка и направился на юг Франции, чтобы пробраться в родную Швейцарию, где надеялся найти убежище. Его узнавали во многих местах Франции, но не спешили исполнить декрет высшего парижского судилища. Его литературная популярность была тому причиной столько же, сколько и

всем известная дружба таких могущественных людей, как Конти и герцог Люксембургский. Переехав швейцарскую границу, Руссо не решился поселиться в Женеве, где ненависть консервативно-аристократического и фанатически-кальвинистского правительства и озлобленная враждебная пропаганда Вольтера не обещали ему мира и спокойствия. Он проехал в Иверден в Водуазском кантоне и поселился здесь у своего старинного друга, Рогена. Это было 14 июня, а менее нежели через месяц он должен был спасаться и из этого убежища. 19 июня женевское правительство декретировало сожжение «Эмиля» и «Общественного договора» и воспрещение автору пребывания в пределах кантона. Примеру Женевы затем последовал и Берн, часть которого составляла тогда и Водуазская область. 10 июля Руссо оставил свободную Швейцарию и выехал в Невшатель, кантон, состоявший тогда во владении прусского короля. Просвещенный английский лорд Джордж Кейт был здесь губернатором. Он предложил убежище гонимому философу, а Фридрих II даже хотел назначить ему пенсию, но всегда себе верный Руссо отклонил эту милость. Он поселился в деревушке Мотье, куда вскоре к нему приехала из Парижа и Тереза. Здесь он прожил около трех лет.

Первое время жизни в Мотье Жан-Жак совершенно удалился от литературы и философской борьбы. Он предавался музыке, дружеским беседам с крестьянами, физическому труду и уединенным прогулкам в горах и лесах этого оригинального уголка Альп, менее роскошного, более сурового и скудного, нежели родные ему берега Лемана и Роны или сроднившиеся с его душой долины Савойи; но не меньше прелести и обаяния «любовник не тщеславный умел найти мечтою своенравной» и в этих новых картинах и впечатлениях природы. Всегда религиозный (хотя и на свой лад), Руссо посещал церковь, ходил к причастию и принимал участие в религиозной жизни своего прихода. Измученная душа Руссо, по временам омрачаемая припадками душевной болезни, начинала отдыхать в условиях этой мирной деревенской идиллии. Руссо мечтал удалиться от треволнений мира и окончить жизнь в неизвестности, на лоне природы, среди столь же неизвестных миру простых соседей. Это было уже невозможно. Его гений уже развернулся во всю свою силу. Его всемирно-историческое дело уже стало перед народами во весь свой рост. Американские пуритане уже готовились поднять оружие во имя его идей. Все мыслящее молодое поколение Франции уже воспитывало в себе ту же готовность. Корсиканцы и поляки обращались к нему с просьбой даровать им конституцию; короли и принцы просили указаний в деле воспитания своих детей; писатели и мыслители искали свидания и вступали в

переписку. В родной Женеве демократия волновалась, настойчиво требуя отмены декрета. Католические прелаты, протестантские пасторы и неверующие философы продолжали яростную полемику против одинокого изгнанника. Тот, кто дерзнул поднять на свои плечи судьбы мира, уже не мог в безвестности искать спасения от треволнений, борьбы и гонений. Битва стала и необходимостью, и обязанностью; гонения – неизбежным последствием; душевная болезнь – естественным и необходимым исходом для оказавшегося в таких условиях человека с невропатической наследственностью.

Парижский архиепископ Кристоф де Бомон, не довольствуясь нелитературными средствами борьбы, к которым прибегала католическая церковь, выступил против Руссо и с литературной критикой. Жан-Жак ответил одним из самых талантливых своих произведений. Его новое сочинение, конечно, тоже было осуждено и сожжено. Подобное же запрещение декретировало, между прочим, и женевское правительство. Это возмутило Руссо, и он торжественно отказался от прав женевского гражданина. Декрет этот возмутил не одного Руссо, но и многочисленных его сторонников в Женеве. Они подали протест и требовали отмены всех декретов против Руссо и его сочинений. Трижды женевская демократия предъявляла свои требования, трижды правительство отказывало ей. Город разделился на партии, в воздухе носился призрак междоусобия. Руссо старался успокоить своих сторонников, когда друг Вольтера, бывший друг самого Руссо, уже упомянутый Троншен, состоявший членом законодательного совета Женевы, опубликовал талантливое и искусно составленное резкое нападение на Руссо под заглавием «*Letres écrites de la campagne*».^[9] Руссо не мог не принять этого вызова, и ответом были его знаменитые «*Lettres écrites de la Montagne*». От тонкой работы Троншена не осталось и камня на камне. Противник был повержен, и идеи «Эмиля» получили более чем когда-либо решительное, яркое и талантливое изложение. Вместе с тем и всякое примирение с протестантской церковью стало немыслимым. История вершила свое дело, и Руссо должен был выполнять тяжелый долг, возложенный на него. «Письма с горы» вышли в 1764 году и вызвали в протестантском лагере целую бурю негодований, преследований и обвинений. Эта буря заплеснула и в мирный Невшатель, где спасался неугомный философ, но где население исповедовало тот же кальвинизм, как и атакованная Жан-Жаком женевская церковь. Невшательский синод предписал Монмолену, пастору прихода Мотье, созвать приходскую консисторию, вызвать на ее суд Руссо, потребовать от него отречения от высказанных мнений и в случае отказа отлучить от

церкви. Монмолен созвал консисторию из семи членов под своим председательством. Руссо был вызван к суду, но не явился, прислав заявление, что «в своих верованиях он обязан отчетом только Богу». Тем не менее Монмолену не удалось добиться от консистории осуждения. Четыре крестьянина, приглашенные судить идеи философа, признали себя некомпетентными. Дело было перенесено в правительственный совет Невшателя, где решение состоялось в пользу Руссо, и ему было разрешено второе издание «Писем с горы». Эта неудача озлобила протестантское духовенство. Начались проповеди против нечестия и безбожия Руссо. Невежественное население систематически восстанавливалось против ненавистного писателя. Эта проповедь постепенно, но не вдруг, делала свое дело. Нерасположение окрестного населения росло и начинало переходить в озлобление против еретика, игнорировавшего осуждение пасторов и их покорной паствы. Пребывание становилось небезопасным, когда положение еще больше обострилось. Вольтер, все яснее сознававший, что личные невзгоды Руссо только усиливают популярность его идей и что все искусство, которое он, Вольтер, затратил на полемику, не помешало вырасти авторитету ненавистного противника, прибег к последнему средству. Он выпустил в 1765 году книжку под заглавием «Sentimens des Citoyens»^[10], где перенес полемику на личную почву. Собрав всяческие сплетни, анонимный автор (Вольтер не выставил имени) обвиняет Руссо во всевозможных гнусных преступлениях и пороках (даже в убийстве). Эта недостойная брошюра стала новым сильным оружием в руках невшательских пасторов. Сплетнями они сумели возбудить страсти уже и без того восстановленного против писателя населения. В него и в Терезу стали бросать камни, грозили застрелить, а в ночь на 7 сентября его квартира подверглась такой бомбардировке, что все стекла были перебиты, галерея усыпана камнями, и камни влетали и во внутренние комнаты. Руссо должен был немедленно оставить Мотье. Временное убежище он нашел на острове св. Петра на Вьенском озере. Остров этот, однако, принадлежал Бернскому кантону, и бернское правительство вскоре предложило покинуть территорию кантона. Напрасно Руссо давал обещание ничего не писать более; напрасно он просил бернских правителей хотя бы посадить его в заключение, но не отрывать от родных гор, – республиканское правительство было непреклонно. Около двух месяцев пробыл Руссо на этом острове, в этом очаровательнейшем уголке Швейцарии. В ноябре 1765 года он оставил остров св. Петра и навсегда расстался со своим швейцарским отечеством.

Куда теперь мог направить свой путь гонимый писатель? Во Франции,

Швейцарии, Италии, Южной Германии, Нидерландах – всюду, где властвовала католическая церковь и кальвинистские синоды, ему не было места. Его звали польские и русские вельможи в свои поместья, но там господствовало рабство и невежество, там была чужая и суровая природа. Он предпочел Англию, куда его приглашал Юм. Благодаря своим высокопоставленным друзьям Руссо благополучно и не торопясь пробрался через Францию. В Страсбурге его ждали овации и чествования. В Париже он прожил около месяца во дворце принца Конти, куда сходилась поклониться ему «весь Париж». В январе 1766 года он прибыл в Англию, где скоро устроился в графстве Дерби, в деревне Вутон. Здесь начал Руссо свое последнее великое произведение – «Исповедь», и здесь же развился в нем давно подготовлявшийся жестокий недуг. Причина ссоры его с Юмом была уже очевидно патологического характера и коренилась в том бреде преследования, который окончательно овладел его больным мозгом. Он видел галлюцинации, всюду находил преследователей и шпионов, создавал целые никогда не существовавшие сцены, заговоры. Он, однако, еще настолько владел собою, что отказался от пенсии короля английского, как прежде от пенсий королей французского и прусского. Больная фантазия рисовала ему картины и перспективы все более тяжелые и ужасные. Кончилось это тем, что 1 мая 1767 года Руссо тайно скрылся из Бутона. Некоторое время он странствовал по Англии в состоянии явного помешательства, пока однажды не переправился внезапно во Францию и не попал случайно к Мирабо, где его приютили, успокоили и дали знать его парижским друзьям. Принц Конти укрыл его в одном из своих провинциальных замков; здесь он жил под вымышленной фамилией и первое время несколько оправился от мучивших его призраков преследования и предательства. Он отдыхал, наслаждался природой, вновь принялся за свои труды, но злой недуг снова атаковал его, и он бросил гостеприимный замок летом 1768 года. Около двух лет после этого провел Руссо в бесконечных странствованиях по Южной Франции, останавливаясь в Лионе, Марселе, любимом поэтическом Шамбери, Гренобле и других местностях, то несколько приходя в себя, отдыхая в деревнях, дописывая «Confessions», то вновь охватываемый призрачными страхами, воображаемыми кознями, от которых снова и снова спасался бегством. Тереза то присоединялась к нему в более светлые периоды его душевного состояния, то снова теряла из виду своего больного, страдающего, стареющего мужа. Эти острые припадки злого недуга прекратились, однако, к концу 1770 года, когда Руссо прибыл в Париж, где и поселился. Восемь лет прожил Жан-Жак в столице Франции. Болезнь, перешедшая в

спокойное состояние, не покидала, однако, его помраченного ума. Все, что он написал в это время, было направлено к выяснению все той же больной идеи преследования и предательства, которые будто бы постоянно окружали его. Такова его книга «Жан-Жак перед судом Руссо», таковы его «Прогулки», исполненные многих поэтических страниц, касающихся природы, и написанные все с той же целью обличить своих преследователей и предателей. Личная жизнь Руссо за эти последние восемь лет очень бедна фактами. Все время он жил в одной и той же тесной квартире (одна комната, которая была и кухней), на улице, которая теперь носит его имя; добывал себе пропитание перепиской нот; писал свои последние, упомянутые выше произведения; принимал немногочисленных друзей; иногда посещал общество, где читал отрывки «Исповеди», и медленно угасал. Незадолго до смерти ему предложили уехать в деревню, поближе к любимой природе. Весною 1778 года он действительно переселился в Эрменонвиль, где через полтора месяца, 2 июля, умер от апоплексического удара, как считает большинство биографов. Существует, впрочем, не лишнее доводов мнение, что это было самоубийство. Вопрос остался невыясненным. Руссо скончался шестидесяти шести лет от роду, свершив для мира, конечно, все, что мог совершить, давно тяготясь жизнью и тяготя всех окружающих.

Теперь, когда мы проследили шаг за шагом всю жизнь Жан-Жака, какие психологические и какие исторические итоги мы можем подвести под этой разноценной колонной цифр его существования? Исторические итоги записаны на самых значительных и влиятельных страницах, изображающих судьбы человечества. Они так велики и тяжелы, что изумляешься, как мог один человек поднять их на свои человеческие смертные плечи? И как мог он выдержать эту тяжесть? Он и не выдержал, однако. Его гений помог ему поднять эту ношу. Ограниченные душевные силы не позволили ему до конца разрешить одному проблему целого поколения. Невропатическая наследственность выявила эту коллизию посредством душевной болезни. Однако прелаты, пасторы и философы напрасно торжествовали. Молодое поколение Старого и Нового Света взяло решение задачи в свои руки, и народы скоро заволновались идеями уже успокоившегося в могиле, исстрадавшегося, но не изверившегося Жан-Жака. И эта вера в человека, в его достоинство и добрую природу, в его неотъемлемые человеческие права осталась лучшим завещанием великого XVIII века, лучшим его украшением и самым сильным импульсом последующих великих событий. Изуверы Реставрации могли выбросить тело Руссо из почетной гробницы Пантеона, но никакие темные силы не

могли истребить этой веры и лишить человечество великих плодов его творческого гения.

notes

Примечания

1

«Письма с горы» (фр.).

«Исповедь»

3

Не много, но многое(*лат.*).

4

Jurare in verba magistri – «клясться словами учителя»; в значении: слепо следовать словам учителя (*лат.*).

Газета, издававшаяся тогда аббатом Рейналем.

6

Тема: «Улучшило или испортило нравы людей распространение наук и искусств?»

7

police – приобщенный к культуре (фр.)

8

возвышенное, высокое (фр.)

«Письма из деревни» (фр.).

10

«Чувства граждан» (фр.).